

Преступление Ахана

1

Как-то раз, Господь, изрядно огорченный несправедными деяниями людей, изрек: “Велико зло человека на земле, и вся склонность мыслей сердца его только зло во всякое время”. Возможно, кое-кто склонен думать, будто в таком утверждении есть не вполне обоснованная универсализация или даже преувеличение – все-таки в сердцах было сказано! Тем не менее нам не следует забывать, что всякое суждение Всевышнего требует самого пристального внимания и изучения, ибо нет иного пути приблизиться к проникновению в суть помысла Господня. Немногословен Он, однако долг наш постигать глагол Его даже когда умолк.

И действительно, если утверждение Бога разумеать не персонально, а применять его обобщенно ко всему людскому племени в целом, то нельзя не признать правоту Его. Хорошо известно, что во все времена и во всех уголках земли совершались людьми большие и малые преступления. Факт столь же прискорбный, сколь и неопровержимый. Возможно, единственным позитивным следствием такого положения явилось появление детективного жанра в литературе и других областях искусства. Говорят, нет зла без крупицы добра внутри него. Настоящая повесть претендует быть частицей крупицы.

А теперь, дорогой читатель, окунемся в ветхозаветную древность. Впрочем, как известно, время течет только вперед, стало быть, вернуться в прошлое нам не дано. Поэтому, правильнее было бы сказать так: окунемся в чтение старинных писаний.

Наше повествование одной ногой опирается на канонические, и потому непререкаемые истины, изложенные в книге пророка Йошуа, известного многим по имени Иисус Навин, а иногда величаемого Йошуа бин Нун. Мы же ограничимся кратким именем Йошуа. Второй ногой повесть стоит на менее неопровержимых открытиях авторской фантазии.

***

Вспомним историческую фабулу событий, описанных в начале упомянутой книги. Намереваясь дать иудеям Землю Обетованную в безраздельное владение, Господь препоручил рабу своему Йошуа поднять и вдохновить народ и возглавить поход в святые края.

В местах тех обитали языческие племена. Господь обещал Йошуа решающую помощь в войнах с тамошними жителями. Однако покровительство свое Бог обусловил неукоснительным соблюдением Его избранниками некоторых важных предписаний, об одном из которых речь пойдет ниже.

Народ перешел реку Иордан и остановился неподалеку от города Йерихо. Иудеям предстояло покорить и разрушить город, истребив жителей-язычников от мала до велика. Перед боем Йошуа тайно направил в Йерихо двух самых находчивых бойцов – выведать, какова армия противника.

Внутри городских стен со смельчаками случилась одна весьма примечательная по своим свойствам история, оказавшая некоторое влияние на ход будущих военных действий армии Йошуа и внесшая весьма значительный вклад в предлагаемый читателю сюжет. О необычных событиях, случившихся в Йерихо с двумя воинами и о последствиях их приключений – рассказ впереди.

Взятие Йерихо сопровождалось удивительными чудесами, скрупулезно описанными в Библии. Впоследствии детали сего события не раз и не два уточнялись и излагались в форме устных преданий, а также на пергаментных и бумажных листах – явление, весьма обогатившее человеческую культуру. Ввиду обилия общедоступного материала, мы не станем повторять многократно описанное прежде. Самые любознательные легко могут освежить свои знания об этой правдивой истории, обратившись либо к первоисточнику, либо к мирской литературе.

Разгром Йерихо завершился счастливо. Воины армии Йошуа, который, как известно, следовал слову Господа, уничтожили острием меча все, что в городе: от мужчин до женщин, от юношей до старцев – и до быков, и овец, и ослов. Оставлены в живых и выведены были из-под рокового удара только люди, принадлежавшие к клану замечательной женщины по имени Рахав.

Ликование царило в стане иудеев, столь успешно начавших покорение Земли Обетованной. Следующим географическим пунктом торжества завоевателей предстояло стать языческому городу Ай. Рекогносцировка неприятеля свидетельствовала о якобы малочисленном войске внутреннего гарнизона. Поэтому Йошуа отправил в бой ограниченные военные силы, надеясь легко захватить слабозащищенную крепость.

Случилось, однако, непредвиденное. Из городских ворот показались конные и пешие воины, число которых много превосходило ожидания Йошуа. Защитники Ая были полны решимости отстоять свою твердыню. Бойцы гарнизона без колебаний бросились в атаку и обратили в бегство расслабленных и самоуверенных ратников завоевательной армии.

Беспорядочно бежав с поля боя, немногие уцелевшие и посрамленные горе-воители предстали пред очи своего полководца. Йошуа глядел на них, не говоря ни слова, не распекал, не срамил, не грозил. Бойцы стояли, потупив взоры в землю, а молчание вдохновителя и наставника было горше порицаний, тяжелее упреков.

***

Разумеется, больше всех прочих иудеев горевал о случившемся Йошуа, назначенный Господом предводитель божьих избранников. Истинный вождь осуждает за неудачу себя самого, не ищет вины подначальных ему.

Йошуа восстанавливал в памяти картину противостояния двух воинств, вспоминал подробности подготовки к сражению, с великой горечью возвращался мысленно к минутам окончательного позора.

“Почему мы так молодецки справились с городом Йерихо? – задавался вопросом Йошуа, - да потому, - отвечал он сам себе, - что разнеслась по всему краю весть о непобедимости нашей, ибо Бог подарил нам Обетованную Землю, и язычники, как узнали об этом, покорно приняли

неизбежное и убоялись нас. С нами Господь, и Он поможет нам, и спасет, если надо, и приведет к победе!”

“Двух-трех тысяч твоих солдат довольно станет против слабой армии Ая, - перебирал Йошуа в памяти подробности доклада лазутчиков, - а не ошиблись ли brave соглядатики? Когда бойцы наши подошли к стенам города, открылись ворота, и вылетел на конях передовой отряд врага, и снес головы тридцати шести моими воинам. А остальные-то молодцы где были? Почему не вступили в бой? И мечи окровавить не успели, бросились наутек. Победители преследовали беглецов и на спуске горы совершенно разбили их. И растаяло сердце народа!”

Охваченный скорбными этими мыслями, Йошуа пал лицом на землю перед ковчегом Господа, и разодрал одежды свои, и возложил прах на голову свою. И потребовал он от старейшин сделать так же, как и он сделал, выражая горе народное, и поступили старейшины по слову повелителя, и плакали, не утирая слез с морщинистых щек.

“Преступления надо раскрывать и оглашать публично, карая за них, но можно ли выставлять напоказ бесславие?” – спрашивал себя Йошуа. Хоть и одолевали его сомнения, а все же решился он и описал поражение в Ае в книге своих пророчеств. “Каким бы не был тяжелым позор, а доброе имя всегда вернуть можно!” – подумал он.

“Нет, не таковы наши ратники, - продолжал размышлять Йошуа, - мужества им не занимать, и боевых товарищей они не бросают в беде. Так что же случилось с храбрецами? Не опились же они зелья отворотного! Мне с мистикой не по пути. Должна быть практического свойства причина. Необходимо найти ее, без этого не завоевать нам Земли Обетованной!”

Дух Йошуа терпел перемены каждочасно. То горевал, то каялся, то искал корень зла, то клялся отомстить, то в мыслях своих вопиял к Господу. “Великий Боже, - готовил себя Йошуа к разговору с Творцом, - для чего перевел Ты через Иордан народ сей, зачем подарил ему надежду, вложив Йерихо в руку его? И вот, побеждены мы и посрамлены! Молю тебя, Господи, научи, что сказать мне людям моим?”

А иной раз, набравшись дерзости, Йошуа в смелых думах своих хитрил со Всевышним: “Вот, услышат язычники о слабости нашей и истребят нас, но ведь то ущерб будет имени Твоему на земле! Неужто допустишь Ты до такого?”

2

Поражение в Ае глубоко ранило Йошуа, но все же он не рассматривал это печальное событие как крушение надежды овладеть Землей Обетованной. Потерпеть неудачу и не пасть духом – вот подлинное испытание мужества. В глубине души он верил, что придут новые победы, и в том числе покорение Ая. Ведь сам Господь подарил эту землю своим избранникам! Если что-то не задалось, то должна быть причина неуспеха, и, отыскав ее, можно будет продолжить торжественное шествие.

Пока Всевышний молчал, вождь народа не взывал к Нему. В написанной Йошуа пророческой книге ничего не говорится о его обиде на Бога. Поражение служит опыту, как и смирение.

Возможно, внутренняя цензура удерживала перо пророка от выражения недовольства. Мы не знаем и никогда не узнаем доподлинно, сердился ли ставленник Господа на своего властелина. Не располагая ни прямыми, ни косвенными свидетельствами на сей счет, примем в качестве презумпции идею абсолютной лояльности Йошуа.

Зрелый муж, Йошуа знал неудачи на своем пути. “Горе преходяще и непременно сменится радостью, - рассуждал он, - проявлю терпение, отвлекусь от возвышенного на мирское, позабочусь о себе, вспомню о верных друзьях – да мало ли добрых дел и приятностей существует на земле! Пройдет время, и, глядишь, Господь призовет меня и укажет на ошибку, или кто из людей найдет причину неудачи, и тогда я и народ мой вновь вступим на тропу успеха. Один день вытесняется другим, и, паче чаяния, бесприютный подружится с царем!”

Однако было бы ошибкой считать, будто Йошуа намеревался надолго отступить от следования своему божественному предназначению, ради того чтобы срывать цветы удовольствия мирскими благами. О, нет! Мысль о завоевании Земли Обетованной жила и дышала в сердце его. “Не следует превращать самоутешение в самообман. Разумеется, и то и другое – бальзам для души, да только польза от такого зелья коротка!” – думал Йошуа.

***

Вечерело. В лагере иудеев стихли офицерские команды. Солдаты закончили ежедневную тренировку к грядущим боям и приготовились вкушать отрады заслуженного отдыха и сытной трапезы. Люди духа прервали изучение Святых Книг ради уплаты неизбежной дани желудку. Женщины продолжали начатые с утра обсуждения мужей и детей. Малышня нетерпеливо крутилась возле родительниц и теребила их: “Кушать хотим!”

Подростки загодя развели костер неподалеку от шатра командующего. Вокруг огня уселись сподвижники Йошуа, его друзья, жены сподвижников и друзей. На треноге был подвешен изрядной величины котел, из которого доносились звуки бульканья кипящей воды и стук мясных костей о медные стенки. По общему мнению, готовность вареной баранины ожидалась еще до захода солнца. Одна из женщин бросила в котел пригоршню соли и длинной деревянной ложкой размешала варево. Потом загустила его, добавив из горшка просеянной пшеницы. Подумав, подсыпала еще.

Горячие свежее испеченные лепешки молча и терпеливо остывали, лежа на камнях. Они ожидали наступления желанного часа, когда люди, наконец, примутся за трапезу, окунут их в мясной бульон и отправят в рот первый лакомый кус. Всем предвкушающим начало действия, дежурный кашевар раздал по глиняной чашке, а затем пустил по кругу мех вина, добросовестно разбавленного водой наполовину. Как видно, аперитив был известен уже и в те отдаленные от нас многими веками времена.

Из шатра показался Йошуа. Обнял старого друга Калева, похлопал по плечу нового боевого товарища Ахана. Троица уселась чуть поодаль от остальных. Коротая время до ужина, соратники затеяли серьезный мужской разговор. Ахан слушал, иногда вступал в разговор, по доброму завидовал, мотал на ус.

- Помнишь ли, Йошуа, как обследовали мы с тобою Землю Обетованную? – мечтательно спросил Калев.

- Как можно забыть те дни – стержень жизни моей, да и твоей – тоже! - ответил Йошуа.

- Двое вас было? – спросил Ахан.

- Не двое, а двенадцать! – ответил Калев.

- От каждого колена Израильского – по разведчику, - уточнил Йошуа.

- Великое доверие вам оказано было. И с каким же докладом вернулись вы с задания? О чем рапортовали народу? – допытывался Ахан.

- По-разному, - уклонился от прямого ответа Калев.

- Испугались наши товарищи великанов, убоялись предстоящих боев и ложно оговорили землю! – честно признал Йошуа.

- Иными словами, не поверили они обещанию Господа дать нам этот край и уберечь нас от всякого зла! – добавил Калев.

- А вы с Калевом что сказали? – обратился Ахан к Йошуа.

- Мы сказали правду: прекрасна Земля Обетованная, и великий грех говорить о ней худое и не верить словам Господа! – торжественно ответил Йошуа.

- За похвалу земле, за храбрость и за стойкость в вере, Господь только нас двоих из двенадцати наделил правом вступить в святые места, - произнес Калев.

- Как схожи те времена с нашими! – заметил Ахан.

- Еще бы! Сходство сие помогает мне писать книгу пророчеств! Вот только душа болит о поражении в Ае, - помрачнел Йошуа.

- Забудь на время о плохом, Йошуа! Все образуется! – оптимистически заявил Калев и подмигнул Ахану.

Какое-то время воспоминания продолжались, но беседа была прервана громкой командой кашевара – приготовить всем чашки, подходить к котлу по очереди и не создавать толчею. Котел сняли с треноги и установили на высоком каменном постаменте. Долгожданное варево готово!

Народ принялся за ужин. Не было слышно жалоб на аппетит. Коллективная трапеза сопровождалась характерными звуками, издаваемыми губами и языком проголодавшихся людей, энергично откусывающих, жующих, глотающих. Дождавшись своего часа, ликовали теплые еще лепешки.

В сгустившейся темноте показались огоньки факелов. То была запряженная ослом повозка, тряско ехавшая по утопанной неровной тропинке. “Мир жующим! – прокричал возница, - я привез добавку к вашему пиршеству!” Он открыл стоящий на повозке короб, позвал двух мальчишек, и те достали оттуда целиком зажаренного на вертеле козленка. “Это гостинец от навеки преданного и безмерно благодарного иудеям клана Рахав!” – заученно произнес гость.

“Йошуа! Моя хозяйка Рахав просила передать тебе, что ей доподлинно известно, как обожаешь ты вкус молодой козлятины. Она также надеется порадовать нежным мясом и подначальных тебе командиров!” – широко улыбаясь, продекламировал возница.

Повозка прибыла с другого конца лагеря. Там расположился клан Рахав – язычников из Йерихо, которым иудейские воины великодушно сохранили жизни. Люди те были бесконечно признательны Йошуа, но на всякий случай продолжали держаться особняком.

Пока визитер поглощал бараний суп, опустошая гостеприимно поднесенную ему чашку, Йошуа принес из своего шатра новое великолепное покрывало, сшитое из шкур молодых овец. “Передай это Рахав, - проговорил Йошуа, вручая ответный подарок, - это ей от меня!”

Чтобы хватило огня на обратную дорогу, хозяева лагеря щедро пропитали маслом прилаженные к повозке факелы, и возница собрался в обратный путь. “Скажи Рахав, я думаю о ней!” – шепнул дароносцу Йошуа. Взволнованный, он вернулся на свое место у костра. Беседа друзей возобновилась.

***

- Отведай-ка козленка, такое нежное мясо! - предложил Калев, протягивая Йошуа на кончике кинжала соблазнительный кусочек.

- Спасибо, дорогой! Жаль, наелся нашими харчами, не могу больше, - смеясь, ответил Йошуа.

- А ты попробуй прежде, а потом скажешь “не могу”, - настаивал Калев.

- Нет места! – упорствовал Йошуа.

- На праздник в молитвенном шатре тоже не было места – ни протиснуться, ни протолкнуться, а вошел старейшина – и нашлось место! Так и кусочек этот! – Ахан поддержал Калева.

- Верно, кусочек-то вроде старейшины! – согласился Йошуа, прожевывая козлятину под смех Калева и Ахана.

- А ведь неспроста Рахав послала гостинец, - заметил Калев, - это она для тебя старалась. Или для себя.

- Будет тебе! – смутился Йошуа.

- Ты нравишься ей, - сказал Калев, - уж не в мужья ли она тебя метит?

- Так ведь она язычница! – воскликнул Ахан.

- Она славная женщина, и веру мою примет, и клан ее признает нашего Бога! – вступился Йошуа за Рахав.

- Похоже, ты к ней равнодушен! - сказал Калев.

- Скрывать не стану, нравится она мне, - со всей серьезностью заявил Йошуа.

- Так отчего не женишься? Довольно холостяковать! – воскликнул Калев.

- Дела не пускают. Землю надо завоевывать, а тут еще и беда в Ае приключилась, - ответил Йошуа.

- Выходит, вы любите друг друга? – воскликнул Ахан, вопросительно глядя на Йошуа.

- А ты почему разволновался? – бросил Калев, ткнув в бок Ахана, - ты молодой еще, придет и к тебе любовь!

- Да я ничего, я просто так, - пролепетал Ахан, - ты не подумай плохого, Йошуа. Я очень рад за тебя! – добавил он.

- Вот и славно! – сказал Калев.

- Хватит о пустяках болтать, - строго проговорил Йошуа, - личное не должно заслонять общую великую цель. Сначала завоюем Землю Обетованную, тогда и свадьбы начнем играть!

3

Без привычной заядлому книгочею литературной подготовки, без придумок изоощренных сюжетных ходов, без всяких писательских штук и экивоков, скажем прямо и просто: “Ахан полюбил Рахав. Два сердца встретились, два сердца!” Прямота и простота есть свойства свободного духа, главное, однако, не злоупотребить ими в неподходящий момент.

Итак, критически важный для настоящей повести факт стал известен читателю. Это означает, что между ним и автором уничтожен разрыв в осведомленности. Теперь можно посвятить несколько слов истории зарождения романтического чувства в душе нашего героя.

Доблестное покорение и разрушение города Йерихо не обошлось без Ахана – одного из особо отличившихся в этом сражении молодых офицеров. Исполняя приказ командующего, верный воинскому долгу, он, вместе с подчиненными ему бойцами, внес немалый личный вклад в общую победу.

Йошуа заметил рвение юного воина. После боя полководец пригласил его в свой шатер, расспросил о родных и близких, о мечтах и чаяниях молодого человека, пожелал успехов в службе и большого личного счастья. Оставшись весьма довольным беседой, Йошуа приблизил к себе Ахана. Не рискуя впасть в преувеличение, можно смело утверждать, что бывалый ветеран и успешно начавший военную карьеру младший командир истинно подружились.

Освобождая город от мерзости язычества, в азарте схватки, Ахан не сразу обратил внимание на одно странное обстоятельство. В то время, как мечи доблестных бойцов методично и последовательно уничтожали все живое в обреченном Йерихо, по камням разрушенных городских стен пробиралась наружу группа нагруженных разнообразным скарбом мужчин, женщин и детей. “Почему наши воины позволяют этим язычникам бежать? – спрашивал себя Ахан, - почему их не останавливают, не убивают, не отнимают добро?”

Удивленный Ахан подошел ближе к толпе, торопящейся покинуть опасные места. Охранявший беглецов солдат коротко объяснил ему: “Этим людям Йошуа обещал сохранить жизнь и имущество”.

Пронзительный мужской взгляд встретил взор прекрасных женских глаз. Юноша успел заметить красавицу. Ему показалось, что она смотрела на него с восторгом и нежностью. “Нет, не показалось мне – так и было!” – думал впоследствии Ахан. Тот же охранник добавил: “Это Рахав, она глава клана, благодаря ее уму спасено все семейство. Подробностей не знаю”.

Лишь мгновенного, но цепкого взора, довольно было Ахану, чтобы влюбиться в прекрасную Рахав. Не существует любви сильнее, чем любовь с одного взгляда, ибо нет в спонтанном чувстве ни раздумья, ни расчета – один только крик горячего сердца – верный залог подлинной страсти.

С того памятного дня Ахан все гадал, как бы подступиться к Рахав, как добиться вожделенной взаимности. Он выяснил у людей – она без мужа, свободна. Большая удача, но нельзя сидеть сложа руки – надо действовать. “Каким должен быть мой первый шаг на пути к счастью?” – спрашивал себя Ахан.

Любовь избегает шума. Это правда, но это еще не вся правда. Если упование подкреплено надеждой, любовь становится смелой. Когда взгляд возлюбленной обещает согласие – любовь положительно готова на любые безумства. Но случись, что страстного обожателя ожидает борьба с соперником за женское сердце, то не найдется такого преступления, на которое не решилась бы любовь.

***

И вот, к величайшей тревоге своей, Ахан узнал, что Йошуа влюблен в Рахав. Хуже того: сердце ее тяготеет к пророку и вождю. Разве переданный ею гостинец – жареный на вертеле козленок – не свидетельствует об опасной склонности сердца ее? Судьба послала Ахану нешуточного соперника. “Счастье еще, что Йошуа не торопится жениться, за великой целью забыл о любви!” – тщетно пытался успокоить себя наш герой.

“Без малейшего отлагательства я должен познакомиться с Рахав, - размышлял Ахан, - я очарую женщину блеском молодости, оглушу красавицу пылкой страстью. Я расскажу ей о себе, хотя, что тут рассказывать? Я весь как на ладони – юный, храбрый, горячий!”

“Однако она язычница, а я иудей, – вспомнил Ахан, - мне же нужна жена единомышленница. Пусть-ка поведаст свою историю. Йошуа говорит, что Рахав примет нашу веру. Уверен, это произойдет скорее, если она забудет его и полюбит меня!”

По-военному скорый на поступки, Ахан не откладывал срочных дел. На следующий день после памятной беседы у костра, он решительно направил свои стопы к лагерю Рахав. С помощью мальчишек, ее племянников, отыскал нужный ему шатер. Вход был со вкусом украшен свежими полевыми цветами.

- Найдется ли у хозяйки жилища немного времени для беседы с иудейским воином? – с несолдатской вычурностью вопрошал Ахан, не вступая вовнутрь.

- Милости прошу, входи, достойный ратоборец! – донесся из шатра женский голос.

- Меня зовут Ахан, - представился вошедший, - тебя же я знаю: ты – Рахав. Вернее, прекрасная Рахав!

- Лесть приятна, если не преждевременна. Садись, Ахан, на это покрывало, - сказала Рахав, поглаживая серые завитки полученного накануне подарка, - чем я обязана твоему вниманию, храбрый офицер?

- О, очень, очень многим!

- Начни с малого!

- Начну с малого. Я, как и Йошуа, большой ценитель молодой козлятины. Благодарю тебя, Рахав, за гостинец!

- Рада, что угодила. Представь, я сама вращала вертел, сама солила мясо, перчила его, поливала вином.

- Какая искусная кулинарка!
- В Йерихо я держала харчевню, и посетители чревоугодники неизменно хвалили мою стряпню.
- Держала харчевню? Ты деловая женщина, Рахав!
- Пожалуй. Так говорят обо мне. Ты, кажется, сказал, что я очень многим обязана твоему вниманию. Пустяковый повод мы обсудили. Давай-ка, обратимся к главному, Ахан.
- Согласен. Солдат не станет хитрить, ходить вокруг да около, а выложит все напрямую. Рахав, я восхищен твоей красотой, я полюбил тебя с первого взгляда и я хочу на тебе жениться. Вот главное!
- Спасибо, милый Ахан, - ответила потеплевшим голосом Рахав и робко погладила его по щеке своей тонкой рукой, - нет ничего в мире ценнее прямодушия! Когда ж случился тот первый взгляд, что внушил тебе страсть?
- Ты со своим семейством шла по камням обвалившейся городской стены. Я увидел тебя, твои глаза встретились с моими – не помнишь разве?
- Кажется, припоминаю: меня обжигал горячим взором молодой удалец-воин. С мечом, щитом, в шлеме. Озабоченная, я не запомнила его лица. Значит, это ты разглядывал меня?
- Да, то был я! И с той минуты сердце мое принадлежит тебе!
- О, я так тронута! - воскликнула Рахав и снова, но уже смелее, погладила Ахана по щеке, - но что ты знаешь обо мне? Ведь я язычница, а ты иудей. Разве можем мы соединить наши судьбы?
- Я слышал, ты готова принять иудейскую веру!
- Возможно, так и случится. Однако не пришло еще время решения. Пока не отвечу тебе ни согласием, ни отказом.
- Расскажи, Рахав, как случилось, что уцелел твой клан?
- Двое ваших соглядатаев разведывали Йерихо. Поначалу они явились в мою харчевню, надеясь услышать что-нибудь важное от трапезничающих болтунов. Я сразу распознала, кто они такие, эта парочка. Сама накрывала им на стол и приносила еду.
- Как звали тех двоих? Может, я с ними знаком!
- Имен не спрашивала, а они мне не представились. Разведчики чинно сидели за столом, смаковали приготовленные мною блюда и прислушивались к разговорам вокруг. В это время постучались в дверь моего заведения царские ищейки и, остановившись на пороге, строго так заявили мне, дескать, ходят слухи, будто могут появиться у меня двое иудеев, которые разнохивают наши военные тайны. Как придут шпионы в харчевню, я обязана буду донести о них властям, а не то сама окажусь в тюрьме.
- Испугалась, Рахав?
- Я не робкого десятка. Ответила сыщикам, что никого чужих у меня не было и нет, а слухи врут. Те ушли несолоно хлебавши. Я же поспешила к двум иудеям, отвела их во внутреннюю

комнату подальше от праздных ушей, сообщила им, какая угроза над ними нависла, и научила, где и как прятаться.

- Ты спасла двух наших, Рахав!

- Верно, спасла. Разведчики благодарно признали это и говорят, мол, давай дадим друг другу зарок. Ты обещаешь не доносить на нас, пока мы прячемся и обследуем Йерихо. А мы поклянемся, что ежели сдержишь слово, то наши воины не тронут твой клан, сиречь сохранят жизнь отцу с матерью, братьям, сестрам, их семьям, и имущество у них не отберут.

- Честный уговор. Вот только как в горячке боя узнать, где ваши?

- Всем родичам полагалось собраться в моем жилище и не высовываться наружу, а чтобы солдаты опознали, который дом мой, я должна была выпустить из окна красный шнурок.

- Ловко придумано! И весь твой клан жив?

- То-то и горе, что не весь! Жена и дети брата – Накман его имя – погибли.

- Не верю, что иудеи не исполнили клятву до конца!

- Клятву они исполнили, да только наши сами виноваты. Когда горел город, любопытная не в меру жена Накмана вышла на улицу поглядеть на пламя и детей с собой прихватила. Вот и поплатились жизнью ослушники.

- А брат жив?

- Накман жив. Горюет сильно. Возненавидел иудеев за убиение семьи и мечтает о мести. Он очень богат, да теперь ума не приложит, как богатство свое употребить. Сочувствую я брату. И золото его зря пропадает.

- Теперь, Рахав, как узнал твою историю, еще сильнее страсть моя возгорелась! Жить не могу без тебя. Ты должна стать моей!

- Напоминаю тебе, юноша, я язычница и пока не решила твоего Бога принять. Как же ты женишься на мне? Командиров и товарищей позабудешь, веру свою из памяти сотрешь?

- Командиры, товарищи? Теперь нет у меня никого! – запальчиво вскричал влюбленный Ахан, - для меня только ты есть на всем свете. А что мне вера? Ты, Рахав – ты моя вера! То, чего душа ищет – то и есть вера! Я понесу эту веру в сердце моем, и никто не вырвет ее оттуда! Все, что ни есть у меня, все отдам за такую веру!

- Я старше тебя, - сказала Рахав, утерев заблестевшие на глазах слезы, - разве пара я тебе? Сейчас не жди моего ответа и ничего мне не возражай. Возвращайся к своим.

Ахан вышел из шатра и зашагал к своему лагерю.

“Зачем Рахав упомянула, что старше меня, - размышлял он, - разве это преграда для истинного чувства? Я не сумел пробудить в ней любовь ко мне – вот в чем беда. Боюсь, ей больше мил Йошуа. Соперник! Она поведала кое-что о своих обстоятельствах, но в душу к ней я заглянуть не успел. Не жалость ли к страдальцу-брату мешает ей решиться на перемену веры и союз со мною?”

“Она была хозяйкой харчевни, - продолжал рассуждать Ахан, - наверняка имеет слабость к золоту. Как знать, обещаю ей состояние – и полюбила бы меня! Теперь известны мне три важных вещи: Накман мечтает о мести, он богат, и сестра его не прочь разбогатеть. Нельзя ли эти ниточки соединить? Завязавши их в узел, я добьюсь любви Рахав! Пожалуй, мне надо познакомиться с Накманом”.

4

Расспрашивая Ахана о его житье-бытье, Йошуа с сочувствием узнал, что молодой офицер, по существу, одинок в этом мире. Отец и мать его умерли, и нет у него братьев и сестер, только дальние родственники по отцовской линии. Горе сиротливому, ибо, если он упадет, никто его не поддержит. Ему неоткуда ждать наследства, и, как говорится, все свое он носит с собой – то бишь ничем не разжился, кроме личной воинской амуниции. А доходы? Лишь скромная плата младшего командира, да военные трофеи.

Йошуа приблизил к себе Ахана отнюдь не из жалости, но исключительно за боевые заслуги последнего. Полководец выбирал себе в друзья только подлинных бойцов, ибо сам слыл таковым. Не желая задеть гордость Ахана, командующий не предлагал новому другу никаких неуставных доплат, чуя в оных душок коррупции, к которой был нетерпим.

Однако сердце у Йошуа не каменное. Сам он с закрытыми глазами пил из чаши бытия пресный напиток одиночества, и потому, сочувствуя Ахану, задумал подыскать ему невесту. “Я хоть и люблю Рахав, - рассуждал Йошуа, - но не досуг мне нежится в женских объятиях. Да ведь и в летах я, а годы-то задувают любовный огонь. Зато Ахан – совсем другое дело, он молодой, подающий надежды, для него жена станет вдохновением и усладой души!”

Йошуа потолковал с одним старейшиной, с другим, с третьим – нет ли у кого дочки на выданье? Жених отменный и перспективный. Дочери нашлись у всех. Сват наш собрался сделать смотр невестам. Но поступать требовалось с умом – незаметно, чтоб не обидеть девиц и отцов их. Приняв советы друзей, как действовать деликатно, Йошуа выбрал несколько подходящих, на его взгляд, кандидаток. Разумеется, он ни одну из избранниц не разочаровал, обнадежил всех, но окончательного ответа не дал, ибо таковой мог принадлежать только Ахану. В истинной щепетильности скрыта настоящая тонкость.

***

Рахав не приняла предложение Ахана жениться на ней. Это обстоятельство не обескуражило его, а, наоборот, только раззадорило, еще пуще разожгло молодую страсть. Он, как и задумал, познакомился с Накманом. Из осторожного разговора с братом своей возлюбленной он вынес убеждение, что связывание в один узел трех нащупанных им накануне ниточек вполне может привести к успеху. “Еще раз обмозгую дело. Накман потенциально полезен. Это будет мой запасной план!” – решил Ахан.

Прямой и более короткий путь к цели, как полагал Ахан, – это непосредственное воздействие на Йошуа. На следующий день после завершения дневных занятий с солдатами, молодой офицер снова пришел к костру командующего. Друзья сердечно обнялись, уселись на привычном месте и приготовились к разговору – обоим было что сообщить друг другу.

- Рад вновь видеть тебя, Ахан, - приветливо встретил гостя Йошуа, - хорошо, что приходишь ко мне запросто, по-товарищески, без специального приглашения.

- Благодарю! - воскликнул Ахан, - ты расположен ко мне душою, а вот я усматриваю для себя корысть в нашей дружбе!

- Какую же корысть ты усматриваешь, мой юный друг?

- Я впитываю твой опыт, твое благоразумие, а отвагой я хочу в точности походить на своего командующего!

- Отваги тебе не занимать, а опытом я поделюсь охотно. Надо помнить, что отвага без благоразумия в лучшем случае опрометчива. Услышав давеча твою семейную историю, я вспомнил речение нашего Господа: “Нехорошо быть человеку одному; сделаю ему подмогу, соответственную ему”. Попросту говоря, я искал для тебя невесту, и, представь, есть первые обнадеживающие результаты!

- О, как я признателен тебе, Йошуа! Однако наш царь Шломо говорил, мол, устрой дом свой, а затем соверши дела твои вне дома!

- Ах ты хитрец, Ахан! Да ведь царь Шломо велел вперед совершать дела вне дома, а уж потом устраивать дом свой!

- Я пошутил, Йошуа. С радостью приму твое попечение. Однако я хотел бы жениться, будучи прославлен. Мне уже двадцать, а ничего не сделано для бессмертия! Вот ведь и ты не торопишься в женихи – заботы о народе не пускают.

- Ты прав, Ахан. Божественное выше суетного. Пусть подождет Рахав. А что до бессмертия, так заблуждение это, ибо все в мире смертно. Хотя, есть все же один единственный путь к вожделенному: чтобы стать бессмертным, надо прежде умереть.

- Кстати, о Рахав. Случайно проходил по лагерю язычников из Йерихо. Тех самых, что мы не умертвили. Рахав заманила меня к себе в шатер. Разговорились. Оказалось, что она вовсе не решилась еще принимать нашу веру. Сомневается.

- Ты слышал это из ее собственных уст?

- Разумеется!

- Странно весьма. Странно и тревожно. У меня другие сведения. Она объяснила что-нибудь?

- Рахав сказала мне, что брат ее Накман потерял семью. Его жену и детей якобы убили наши. Она признает, что родичи сами виноваты – вышли поглядеть на пожар Йерихо, нарушив договор не высовываться из дома. Но Накман отвергает объяснения, страдает и горит желанием отомстить иудеям.

- А что Рахав?

- Она сочувствует брату. Кажется, солидарна с ним.

- Право, ты озадачил меня!

- Вот я и думаю, надо ли мечтать о язычнице, коли медлит она принять нашу веру?

- Право, ты озадачил меня!

- Брат ее опасен, но, боюсь, беда может прийти от нее самой.

- Право, ты озадачил меня!

- О, Йошуа, я не хочу мешать твоему счастью! Кто я, чтобы советовать тебе, военачальнику, пророку, зрелому мужу, наконец? Случайность позволила мне заглянуть в душу к Рахав. Я не имею права скрывать от тебя ничего!

- Благодарю тебя, Ахан. А сейчас оставь меня наедине с моими думами.

***

Ахан с удовлетворением вспоминал о последней беседе с Йошуа. По мнению Ахана, посеянные в душе соперника сомнения вполне могут дать полезные всходы. Однако поглощенные разговором, собеседники не обратили внимания на одну важную вещь. А случилось-то непредвиденное: служанка Йошуа все подслушала.

Как правило, женщина эта пренебрегала мужской болтовней. У кого какой выделки меч, чей конь споткнулся в атаке, кто кому голову срубил – короче, всякие пустяки, не заслуживающие серьезного внимания. Но вдруг она услышала, что говорят на романтическую тему. Тут уж совсем другое дело. Она наострила уши и дослушала разговор до конца.

Узнав о столь волнующих обстоятельствах, верная служанка Йошуа поспешила поделиться вестями со своей товаркой, прислужницей Рахав. Известное дело: легче держать на языке горячий уголь, чем тайну. Женщины обсудили друг с другом новую ситуацию во всех подробностях, добавили от себя недостающие детали и сделали реалистичные прогнозы.

Следующим пунктом распространения жгучих новостей стала сама Рахав. Прислужница не имела секретов от госпожи, приучившей ее делиться всем, что той доводилось подслушать или подсмотреть. “Знания никогда не бывают лишними, в них сила и деньги!” – твердо верила содержательница харчевни. Разумеется, личная тема, касающаяся Рахав, занимала первый план донесений.

Рахав выслушала доклад со вниманием, однако не позволила дрогнуть ни единому мускулу на лице. Диктуемое опытом притворное равнодушие вовсе не являлось случайным – у информаторши не должно было сложиться впечатление, будто принесенное ею известие почему-либо важно для хозяйки. Таким образом Рахав надеялась остудить пыл чрезмерно возбужденной прислужницы и тем самым остановить дальнейшее распространение сплетни.

Фактически же новость оказалась чрезвычайно значительной для Рахав и весьма встревожила ее. Она имела виды на Йошуа. Он нравился ей, она почти любила его, подозревала во взаимности и надеялась стать его женой.

“Он настоящий мужчина, - размышляла она, - неколебим в вере, свято исполняет клятву, предан большому делу – одним словом, он женщине надежная опора. Ценнейшие эти свойства его характера отчетливо видны мне нынче, и я убеждена, что в скором времени проявятся новые и новые достоинства благородной натуры”.

Рахав никогда не удовлетворялась успехами дня сегодняшнего – она всегда думала о завтрашнем дне, в первую голову радея о собственной будущности, ну и, конечно, об упованиях своего клана.

“Йошуа бесспорно велик в настоящем, - рассуждала Рахав, - он командует армией и народом, он пророк, и мысли свои (или внушенные ему иудейским Богом, а разница не столь уж важна) записывает, сочиняя пророческую книгу, которой жить в веках. Уверена, его ждут блестящие времена. Мне думается, Йошуа будет царем. Значит, ежели действительно ему суждены трон и корона, то я стану царицей, а родичи мои займут достойные места при дворе!”

“Что-то уж больно я размечталась, - одернула себя Рахав, - ладно, пусть Йошуа не взойдет на престол, а мне не бывать царицей, все равно баловень Господа завоюет нашу землю от края до края. А я, как выйду за него, открою харчевни в каждом городе – настоящая сеть доходных заведений!”

“Однако счастье не в доходах, - спохватилась Рахав, - самое главное – Йошуа любит меня! Пусть он не очень молод, не заразительно горяч и слишком много думает о непонятных высоких целях. Да ведь и я не юная девица. Я самая подходящая пара для него, жены лучше меня ему не найти!”

Мысли Рахав вернулись к принесенной прислужницей новости. Ахан юн, горяч, безумен в своей страсти. Ни одно женское сердце не останется равнодушным к столь пламенному проявлению любви. Рахав стала перебирать в памяти подробности разговора с Аханом, и у нее потеплело на душе.

“Замечательный юноша, - подумала она, - красивый, сильный, храбрый, пылкий! Но не простой. Ох, и не простой! Угадал соперника, ловко лжет ему, хитро отвращает от меня. Да, страсть Ахана льстит и волнует, но не сводит меня с ума – я уж не девчонка!”

Рахав ясно представила себе сложность положения. “Нельзя оставлять дело без последствий, необходимо вмешаться, - рассуждала она, - какой бы заманчивой ни казалась идея заполучить в мужа Ахана – не следует соблазняться ею. Своим коварством и своей любовью сей юноша безумно опасен. Он способен погубить мою мечту стать женою Йошуа!”

“Как удалить Ахана с моего жизненного горизонта? – спрашивала себя Рахав, - у меня язык не повернется сказать ему, что я безразлична к его любви, что он мне не нужен, что я прошу его забыть меня. Значит, требуется некий план физического устранения неуместного поклонника. Убрать Ахана необходимо, даже ценою его жизни. Готова ли я на жестокость? Пожалуй, да. Но не на любую. Банальная жестокость происходит от слабости и бессердечия, а разве я такова? Я не имею права разбить юное сердце прямым отказом. Потеря надежды – тупик безумия для него. Да ведь и мне безмерно сладко думать, что я буду любима им до последнего его дыхания!”

Дальнейшие размышления натолкнули Рахав на мысль посоветоваться с Накманом. Он изобретателен, а несчастье вдвойне обостряет ум. Надо сказать, что она весьма сочувствовала ему.

Накман рвался отомстить иудеям. Это стремление (если направить его в верное русло) Рахав могла бы обратить себе на пользу. К тому же ее все больше занимало, а скорее, разбирало прохладное отношение брата к его собственному богатству. Оплакивая утрату, он, кажется, потерял интерес к своему золоту. Так отчего бы ей самой не завладеть бестолково пропадающим добром?

Подобно Ахану, молодому да хитрому, Рахав приготовилась потянуть за разные ниточки и связать их узлом. “Соединить одной задумкой ликвидацию горячего поклонника, месть Накмана иудеям и присвоение его богатства – вот что я должна изобрести!” – сказала себе Рахав.

Минуло еще несколько дней. Йошуа остановил до поры до времени шествие иудеев вглубь Земли Обетованной. Как уже известно читателю, причиной заминки явилось поражение в Ае. Нельзя продолжать сражаться, не залечивши рану – ведь у побежденных раны болят особенно сильно.

Вопреки неудаче, Йошуа оставался абсолютно уверенным в победоносном завершении похода. Иной раз говорят, мол, начавший уверенно, кончит сомнениями. Но к Йошуа это не относится. Он ни на мгновение не сомневался, что совершенно искоренит языческую веру и покончит с ее носителями. Иными словами, часть их будет изгнана, а другая часть – уничтожена. Да и как вообще у человека могут возникнуть сомнения в успешном окончании предприятия, которым он управляет по прямому указанию Господа?

Божьей волей Земля Обетованная предназначалась для избранного Им народа. Решения принимал Всевышний, а Йошуа только воплощал в жизнь указы Его. В этом смысле вождь выступал в роли исполнителя. Положение подчиненного имеет те преимущества, что освобождает от скучных размышлений на темы морали, доставляет уверенность в правоте дела, поднимает дух. Подчинение силе, стоящей над тобою, не есть слабость – наоборот, это проявление твоей собственной силы.

Йошуа пытался самостоятельно понять секрет осечки в Ае. К сожалению, успех в этом изыскании ему не сопутствовал. Он все меньше надеялся, что кто-нибудь из народа укажет на промашку, и все больше склонен был думать о нарушении какой-либо заповеди Господа. Но какой?

Йошуа не хотел первым подступаться к Богу с вопросами, опасаясь выглядеть некомпетентным в Его глазах. Он, однако, не без основания надеялся, что Всевышний сам потребует его к себе – ведь они с Ним делают одно общее дело. Имей выражение “рука руку моет” положительную коннотацию, и оно вполне бы подходило к этому случаю.

***

И вот, наконец, свершилось! Господь призвал раба своего Йошуа, дабы вложить в его голову понимание причины разгрома в Ае. Говорилось уже, что вождь и пророк заранее готовился к встрече со Всевышним. Поэтому явился он к Богу вооруженным трудными вопросами со скрытыми в них упреками.

Оказавшись перед Господом, первым делом Йошуа пал лицом своим на землю и возложил прах на голову свою. Затем воскликнул скорбно: “Увы, Господи Боже! Для чего перевел Ты народ этот через реку Йордан? Чтобы предать нас в руки язычников? Чтобы погубить нас? В чем прегрешение народа моего, почему обратил он тыл врагам своим?”

Далее развернулся диалог между Богом и Йошуа. Тут необходимо сделать небольшое отступление.

Отметим, что Всевышний предельно лаконичен в речах своих. Не любит Он пространных рассуждений. Каждая фраза Его полна глубокого смысла, а задача людей вдумываться, вникать, смотреть в корень. Неясное же или сомнительное следует подвергать толкованию. В невысказанных словах – бездна мудрости.

Всем сведущим в Писании хорошо известно, что Он говорит мало, но Он говорит значимо. Он говорит мало, но хочется, чтобы Он сказал еще что-нибудь. Ведя речь со Всевышним, и герой наш, Йошуа, употреблял немного слов.

В книге своего пророчества Йошуа привел разговор с Господом слово в слово, ничего не прибавляя и ничего не убавляя. Однако ввиду беллетристического характера настоящей повести, автор позволил себе несколько развернуть скупые реплики участников беседы, не меняя, впрочем, ее смысла.

- Встань, - приказал Господь, - для чего пал ты на лицо свое?

- Я ожидаю праведного гнева Твоего. Не иначе, крепко провинились иудеи. Я заведомо принимаю упрек, каюсь и готов искупать вину.

- Тяжко согрешил народ твой, но не поздно еще исправить дело.

- О, Боже, какое зло, когда и где сотворили люди мои?

- Да, народ Мною избранный, виновен в преступлении, и Мой долг – вразумить тебя.

- Доблестные воины все делали только лишь по слову Твоему! Город разрушили и сожгли. Острием меча лишили жизни мужчин, женщин, стариков и детей. А что пощадили клан Рахав – так на то клятва была – а клятву преступить никак нельзя!

- Не юли, Йошуа! Разве не говорил я тебе для передачи всем и каждому из народа твоего, что серебро, золото, утварь медная и железная и прочие дорогие вещи – это ни в коем случае не трофеи солдатские? Названное есть достояние Господа, и место имуществу сему не в шатрах воинов, но в сокровищнице Моей!

- Ты говорил мне это, Боже, и я, с великим рвением исполняя указ Твой, довел слова эти до людей своих!

- Однако часть Моего достояния украдена одним из твоих бойцов и спрятана в шатре его. Прискорбный факт, Йошуа! Нарушена Моя заповедь! Я негодую!

- Выходит, гневаясь, Ты остановил наше победное шествие по Святой земле? Осрамление в Ае есть кара Твоя за преступление наше?

- Да, Йошуа!

- Украл один из народа, а наказание всему народу?

- Постановил Я для избранного Мною народа, что для него на веки вечные будет так: “Один в грехе, а все в ответе!”

- Господи, Ты сказал, что еще не поздно исправить дело? Говори, как быть мне, дабы заслужить прощение Твое?

- Найди врага народа твоего и истреби его!

- Научи!

- Первым делом приведи весь народ к суду по коленам его – и так установишь, в котором из колен вор.

- Весь народ поголовно?

- Да, поголовно! Когда дознаешься, к какому колену принадлежит виновный, приведи к суду все семейства этого колена, и тогда обнаружишь, в каком из них вор.

- Все семейства?

- Все! Когда найдешь семейство, скрывающее виновного, приведи к суду все дома этого семейства, и тогда узнаешь, в каком доме вор.

- Все дома?

- Все! Когда определишь дом виновного, приведи к суду всех мужчин этого дома, и тогда найдешь вора.

- Всех мужчин?

- Всех поголовно!

- Что делать с вором?

- Уличенный в похищении Моего добра сожжен будет огнем – он и все, что у него – за то, что преступил завет Мой и за то, что сделал мерзость в народе иудейском!

- Вразуми меня, Боже, какое средство употребить для поиска среди колен, семейств, домов, мужчин?

- Средство это – жребий!

- А как увериться, что не ошибся я? Прости вопрос мой, Господи, но разве жребий не раб случайности?

- Мне огорчительно невежество твое, Йошуа. В созданном Мною мире нет случайности, но властвует причина. Я единственный правлю своим творением, и всё и вся подчинено не случаю, а воле Моей!

- И жребий тоже?

- Нет исключений!

- Завтра же с утра я устрою суд по слову Твоему, найду похитителя и поступлю с ним, как Ты велишь!

- Ступай, Йошуа! Очисти народ от скверны, и верну Я избранникам своим удачу, и разгромите вы с Моею помощью Ай и дальше двинетесь вглубь страны, которую завещал Я вам!

- Боже, почему не сказал Ты мне о краже до сражения в Ае? Я нашел бы вора, и не вкусили бы мы горечи позора!

- Неужто полагаешь ты, что не подумал Я об этом? Запомни навсегда, Йошуа: Я, Господь Бог твой, изощрен, но не злонамерен! Я бы непременно уведомил тебя загодя, да только кража случилась после сражения в Ае!

- Теперь я запутался вконец! Великий Боже, помоги выбраться из тупика! Молю, растолкуй дело рабу Твоему!

- Внемли, Йошуа! Взявши Йерихо, иудеи ликовали свыше меры – значит, была порча в народе! Прискорбный факт сей не ускользнул от пронизательного ума Моего, и потому Я наперед знал, что непременно случится мерзость, и заблаговременно наказал народ. Избранники Мои должны страшиться тяжелой руки Всевышнего, коли нарушают они заповеди Его. Безошибочным оказалось предвидение Мое – давеча один из воинов твоих ограбил сокровищницу дома Господня.

После разговора со Всевышним, просветленный душой Йошуа отправился в свой лагерь, дабы приготовиться к проведению суда. Он с восхищением думал, что указанный Им беспронимательный способ отыскания виновного посредством поголовной проверки не позволит преступнику ускользнуть от ответа. Но вместе с тем креативный ум Йошуа искал иных, более коротких средств дознания.

6

Йошуа вернулся в свой лагерь, глубоко впечатленный беседой с Господом. Как выяснилось, он был прав, предполагая, что кто-то из его людей нарушил заповедь Всевышнего. В этом проступке Бог справедливо усмотрел абсолютно легитимный и одновременно воспитательный резон для кары иудейскому народу.

“Что ж, преступление не должно оставаться безнаказанным, - рассуждал Йошуа, - разве этот принцип не есть благородный диктат высшей справедливости? Бог даровал своему народу права на Землю Обетованную. Но права предполагают обязанности. Неукоснительное соблюдение заповедей – вот священная наша обязанность!”

Остаток дня после памятного разговора Йошуа посвятил приготовлениям к расследованию и суду и казни. Он объявил во всеуслышание, во-первых, о беззаконии, совершенном неким наихудшим иудеем, то есть о краже из сокровищницы Господа и, во-вторых, о своем намерении завтра же утром найти злоумышленника. Далее он объяснил, как будет происходить поиск виноватого, и приказал всем без исключения осуществить очистительный ритуал омовения в честь предстоящего акта справедливости, и не забыть помолиться Богу.

“Добровольное признание вины до суда и чистосердечное раскаяние облегчат участь преступника если не в этом, то в ином мире, - провозгласил Йошуа перед народом, - а я, со своей стороны, обещаю ходатайствовать перед Господом о смягчении кары!” Как и следовало ожидать, никто не признался, и начало осуществления процедур дознания, суда и казни было назначено на следующий день с восходом солнца.

***

Скажем несколько слов об устройстве жребия. Сей инструмент изобличения представляет собой насаженную на медный стержень деревянную стрелку. Стержень, являющийся осью вращения, вставляется в отверстие в центре перевернутой вверх дном глиняной чаши. Поверхности оси и отверстия тщательно отполированы до совершенной гладкости и в придачу

обильно смазаны жидким маслом, чтобы медная ось со стрелкой могли легко и свободно вращаться.

Специально назначенный для обслуживания жребия человек (в древности его называли “стрелочником”) легким щелчком пальца приводит в движение стрелку. Поскольку кручение оси в отверстии имеет свойство медленно, но верно затухать, то упомянутый технический исполнитель судебного расследования добавляет еще щелчок, и еще щелчок, не допуская остановки в работе прибора.

Понукаемый стрелочником, нелицеприятный деревянный детектив продолжает свободное вращение до тех пор, пока мимо жребия проходят невиновные. Но стоит только в зоне оперативно-разыскной чувствительности механического инструмента правосудия показаться искомому объекту, как стрелка мгновенно и самопроизвольно останавливается, бесстрастно указывая на преступника.

Настало время суда. Жребий установили на возвышении. Иудейский народ, весь без исключения, был в сборе и приготовился к испытанию, добросовестно исполнив приказ Йошуа об очистительном омовении и об утренней молитве. Скопление тысяч и тысяч мужчин заняло огромное пространство. К предстоящим правовым акциям люди отнеслись с должным пониманием значимости момента. Никто не выказывал признаков нетерпения или, хуже того, раздражения.

Перед Йошуа встал вопрос: “Кого назначить стрелочником?” Никто из его людей не мог исполнять эту роль, ибо все иудеи, кроме него самого, находились в толпе, ожидая суда. Естественным образом его взор обратился в сторону клана Рахав, теснившегося тут же неподалеку на предмет удовлетворения любопытства.

Рахав поняла затруднение Йошуа, и, во что бы то ни стало, желая отличиться перед ним, первая подошла к вождю с предложением помощи.

- Йошуа, пусть кто-нибудь из наших станет стрелочником, - сказала Рахав, - мы так благодарны твоему народу за спасение, что только и ищем случая оказаться полезными вам!

- Благодарю, тебя, Рахав, - ответил Йошуа, - мне нужен человек честный и благонамеренный. Поэтому я хотел бы видеть тебя, приводящей в движение жребий. Как жаль, что по нашим законам женщина не может отправлять должность стрелочника!

- Не сочти за кумовство, но я советую тебе пригласить моего брата Накмана. Он, несомненно, справится.

- Хорошо, зови его.

Йошуа, разумеется, помнил остережения своего молодого друга о задних мыслях Накмана, и поэтому весьма сомневался в честности и благонамеренности последнего. Однако он полагал, что простейшая роль стрелочника ничем не может быть полезна злоумышленнику мстителя. Зато, приняв рекомендованную кандидатуру, Йошуа укрепит свои позиции в сердце Рахав.

Накман занял отведенное ему место возле жребия. Йошуа призвал народ к вниманию и потребовал соблюдения дисциплины. Добившись порядка, он дал команду главам колен построить своих людей в колонны и начинать движение мимо приведенной во вращение стрелки. Калев, наблюдавший за построением, отметил про себя, что Рахав подавала Йошуа советы, какому колену идти раньше, а какому – позже.

Двенадцать колен израильских выступили одно за другим. Надо ли говорить, что прохождение масс народа занимало изрядное время. Люди шли и шли, колено за коленом, а стрелка равнодушно вращалась и не подавала признаков скорой остановки. Накануне Йошуа провел бессонную ночь, обдумывая дела предстоящего трудного дня. Поэтому совершенно не удивительно, что он довольно скоро почувствовал утомление однообразным зрелищем, и внимание его притупилось.

И вдруг, когда мимо жребия шествовали бойцы предпоследнего колена, стрелка замедлилась и замерла, указывая на его середину. “Наконец-то дело сдвинулось по-серьезному, и получен первый важный результат! - возликовал Йошуа, - теперь поиск пойдет много быстрее, и совсем скоро мы найдем вора!”

Йошуа скомандовал начальникам одиннадцати колен, успешно выдержавшим искуc, увести своих людей в сторону. Главе скомпрометированного сообщества он приказал заново выровнять ряды и последовательно, одно за другим, проводить семейства мимо жребия. В результате стрелка указала на одно из последних семейств.

Далее по апробированной методе были испытаны дома дискредитированного семейства. И вновь механический детектив решительно сузил поле поиска, указав деревянным перстом на дом виновного.

Когда же дошла очередь мужчин замаранного подозрением дома проходить мимо бесстрастного жребия, то случилось нечто невероятное. Стрелка однозначно и непреклонно устала свое острие на Ахана.

***

Как же так? Не вышло ли какой ошибки? Молодой командир, храбрый воин, перспективный офицер, слуга вождю, собрат солдатам, и вдруг – заурядный вор, преступивший Божью заповедь, поднявший корыстную руку свою на сокровищницу Господа! Возможна ли такая метаморфоза? Да, выходит, что возможна, ибо жребий, выразитель воли Всевышнего, не ошибается никогда!

Йошуа был ошеломлен. Он, обладатель огромного жизненного опыта, знаток людей, читающий характер человека, как развернутый пергаментный свиток, так жестоко ошибся в выборе друга! Не мудрено предаться отчаянию.

“Вот когда зарезал, так зарезал! – терзал себя Йошуа, имея в виду, скорее всего, жребий, - старый дурак я! Выжил, глупый баран из ума!” И он продолжал в том же духе честить себя. Но имеет ли право вождь избранного народа столь отчаянно костить ставленника и надежду самого Господа, хотя бы ставленником этим являлся он сам? “И на старуху бывает проруха!” – нашел он, наконец, спасительные слова самоутешения.

Если новость произвела ошеломляющее действие на Йошуа, то как выразить чудовищность потрясения самого Ахана? У несчастного потемнело в глазах, голова пошла кругом. Лишился Ахан языка, да и вышибло ум наверняка. Он об одном способен был думать в страшные те минуты – об ужасе ожидающей его казни.

К Ахану подошла Рахав. Лицо ее выражало глубочайшее сочувствие. Казалось, она не верила в вердикт жребия. Она привычно погладила Ахана по щеке – ласково, тепло, сочувственно, пожалуй, даже с любовью.

“Молчи, мой милый, - промолвила Рахав, - я помогу тебе, спасу от беды. Не запирайся, прими вину, и твой Бог помилует тебя, и Йошуа пощадит, и будешь жить, и я стану тебе женою!”

Ахан пытался ответить, но язык не слушался его. Он мысленно повторил про себя горячие речи свои: “Командиры, товарищи? Теперь нет у меня никого! Для меня только ты есть на всем свете. Ты, Рахав – ты моя вера! Все, что ни есть у меня, все отдам за такую веру!” И слезы счастья заструились из подернутых туманом горя очей воина.

Рахав подала знак Йошуа зайти за пригорок, дабы никто не видал их и не слышал разговора меж ними. “Вождь народный! – обратилась Рахав к нему, - будь благороден! Говори с Аханом незлобиво в последние часы его, хоть и огромен гнев твой на бессовестного вора. Ты силен, а сила не нуждается в брани. Не грубым словом, но мягкосердечием достучишься до совести. Я вняла лепету преступника – он винится и кается. Не казни гневными словами душу юноши, ибо телу его не миновать страшной казни!”

Йошуа внял добрым речам сострадания, да и вспомнил, что ведь еще совсем недавно он любил Ахана, дружил с ним, радел для него. “Друг мой, - обратился Йошуа к Ахану, - воздай честь Господу, Богу Израэля, и сделай перед Ним признание, и сообщи мне, что ты совершил, не скрывай от меня!”

Онемевший Ахан не мог отвечать старшему товарищу, а только кивал в знак согласия. И подумал избалованный, как права была Рахав, наставлявшая его не запирайтесь. Огонек надежды на спасение загорелся в голове страдающего мученика. И пронзительно громко, чтобы слышали Небеса, сердцем своим вскричал Ахан: “Истинно согрешил я перед Господом, Богом Израэля!”

Не только Небеса, но и народ услышал признание Ахана, и гул ропота поднялся над толпой. От скопища человеческого отделилась фигура и двинулась к Йошуа. То был Калев. Он обратился к вождю с такими словами: “Люди опасно взволнованы. Одна половина народа ярится на вора, другая – не верит, что любимец их согрешил. Требуется либо вещественные улики вины, либо косвенные доказательства невиновности!”

Выслушав речь Калева и признав ее справедливой, Йошуа отправил людей обследовать шатер Ахана. Посланцы вернулись не с пустыми руками. К ногам вождя легли прекрасный плащ шинарский, двести шекелей серебра и слиток золота весом в пятьдесят шекелей – все вещи из сокровищницы Господа. Тут не сдержался Йошуа и вскричал в сильном гневе: “Зачем, негодный Ахан, ты навел на нас беду? Наведет на тебя беду Господь в день этот!”

Итак, Ахан был разоблачен. Сомневающаяся половина народа поверила жребию, и гнев людской удвоился. Схватили, скрутили люди преступного Ахана, привели в открытое поле и стали вершить над ним жуткую казнь – побивали камнями, пока не умер. Вещи его: осла, овец, шатер и все, что у него – сожгли огнем. Украденное же из сокровищницы Господа немедленно возвратили Ему.

Правосудие свершилось. Всевышний положил гнев на милость и оттаял к своим избранныкам. Иудейский народ облегченно вздохнул: “Теперь вернется к нам помощь Господня, и продолжим мы покорять Землю Обетованную!”

Немногими днями позже выяснилось, что Господь промолчал и не поставил на вид иудеям новое нарушение Его указа. Ведь Он велел сжечь огнем преступника, а разъяренная толпа побила его камнями, в то время как сожжению были подвергнуты только вещи злоумышленника. Йошуа расценил молчание Господа по этому поводу как проявление божественного одобрения. “Молчание не означает немоту. Об одном следует говорить, а о

другом – молчать!” – рассудил Йошуа. В своем пророчестве он описал волнующие сии обстоятельства, ни на йоту не отступив от исторической правды.

Современный читатель навряд ли может оценить, который из двух видов казни – сожжение огнем или побитие камнями – эффективнее, тем более что не существует единого подхода к проблеме, да и критерии эффективности точно не определены. Возможно, с точки зрения казнимого, смерть на костре предпочтительнее. Зато побитие камнями дает прекрасный выход гневу народному. Вопрос требует дополнительного теоретического изучения и практической проверки выводов.

7

Иудеи, как всему миру известно, племя далеко не легковерное и не склонное к мистике. Вечная неприязнь народов и особое расположение Господа воспитали в их сердцах бдительный скептицизм. Исключением из правила явилось расследование после поражения в Ае. Фантастический триумф дознания и разоблачение вора в лице Ахана заставили даже самых отъявленных (за редким исключением) материалистов-скептиков поверить в мистически чудодейственную силу жребия.

Есть мнение, будто скептик есть мученик собственной пронизательности. С другой стороны, следуя диалектике вещей, можно предположить, что энтузиаст – неизбежная жертва доверчивости. Набравшись терпения и дочитав до конца сию повесть, получим материал для размышления на этот предмет.

Безусловный и доказательный успех механического инструмента правосудия явил весьма значительное воспитательное действие на людей. В пытливых умах мудрецов рассеялись сомнения относительно абсолютного главенства причины в созданном Господом мире, где нет места случайности.

Наглядный пример – лучшее доказательство. Все воочию увидели, что жребий не есть раб случая, но действует он по Божьей воле, а она-то, как раз, и является причиной всего сущего и происходящего.

Коли уж речь зашла о позитивной воспитательной роли свершившегося события, то необходимо отметить благотворное влияние казни на сердца участников и зрителей этого справедливого акта возмездия. Не зря же говорят, что справедливость одухотворяет, даже когда казнит.

Побивая камнями истекающего кровью преступника, добровольные слуги закона испытывали крайне редкое, и потому особенно ценное, ощущение торжества правды над кривдой. Добавим, что когда дремлющая в человеческой душе жестокость находит выход, то личность становится добрее и благороднее.

Разумеется, педагогический эффект от дознания и казни не исчерпывается названными обстоятельствами. Можно было бы продолжать и далее обсуждение этой темы и приводить еще и еще факты. Но автор полагает за благо предоставить такую возможность изобретательному уму читателя, а сам же он, подчиняясь необходимости продвигать повествование далее, возвращается к героям рассказа.

***

Йошуа вновь ощутил сладкий вкус счастья, ибо, наконец-то, открылась тайна поражения в Ае. Как, однако, разносторонен успех! Вот некоторые из его граней: Господь вернул благоволение своему народу, иудейское племя продолжит завоевание Земли Обетованной, героическую кампанию по-прежнему будет возглавлять пророк и воин Йошуа, а слава его возрастет и обретет новые черты.

Несомненно, в ближайшем же бою будет одержана победа над Аем – городом, коему выпала дурная удача. Умертвив худшего из народа своего, люди очистились от мерзости и сделали важный шаг к абсолютной святости. Они укрепились в вере, стали настойчивее, целеустремленнее и, вместе с тем, гуманнее.

Угнетала, однако, мысль об Ахане. Преступника больше нет в живых, но ведь и друг потерян! Хотя, какой из вора друг? Как же многоумный Йошуа не разглядел, не разобрался вовремя? Кого пригрел, приблизил? Досадно и то, что ошибка Йошуа вполне может повредить его репутации у простого народа. Очень и очень нелегко заработать себе славную репутацию, но куда как труднее сохранить ее.

“Пусть думают, что хотят, - рассуждал пророк и вождь, - а хулить Ахана задним числом не буду! Я знал его другим, и сблизился с другим Аханом. Может, Диббук в него вселился?”

Похожие думы наполняли и душу Калева. Впрочем, было бы неправильно утверждать, что мысли Калева и Йошуа целиком совпадали.

Калев, старинный соратник Йошуа, почитавший вождя в самой высокой степени, тем не менее позволял себе иметь собственный взгляд на вещи. Он нелицеприятно оглашал его всякий раз, когда полагал свою точку зрения достаточно основательной. Возможно, им двигала зависть к более успешному коллеге. Нельзя исключить также, что в сердце Калева свил гнездо дух противоречия.

Как-то раз, вскоре после казни Ахана, сотворив вечернюю молитву и покончив с дневными делами, Йошуа и Калев совершали освежительную прогулку в ожидании ужина. Двое старых товарищей и раньше любили расхаживать вместе, неспешно беседовать, обсуждать проблемы духовные и мирские. На короткое время прилепился к ним третий – новый молодой друг. Но случилось несчастье.

- Поет сердце мое, ведь Господь вернул своему народу расположение, и вся Земля Обетованная, обещанная Им, расстилается перед нами в ожидании новых хозяев! – с чувством произнес Йошуа.

- Повоюем! – лаконично ответил Калев.

- Сдается мне, дорогой Калев, что ты и рад, и не рад!

- Так ведь и ты, Йошуа, горюешь о потере Ахана!

- Ты прав. Болит душа. А что Рахав?

- Что Рахав? Откуда мне знать? По-моему, ты о чем-то переговаривался с нею, пока Накман управлял стрелкой.

- Рахав умна. Я предоставил ей решать, какому колену раньше, а какому позже проходить испытание жребием. Ты не одобряешь мои переговоры с нею?

- Сам не знаю, Йошуа.
- Как думаешь, она была довольна исходом дела?
- Не только она была довольна. И брат ее сиял.
- Что ж, весь клан их обязан нам. Не диво: наш праздник – и для них радость, наша беда – и для них невзгода.
- Возможно. Однако время покажет.
- Ты чрезмерно осторожен, Калев.
- Привычка, Йошуа. Осторожного Бог сторожит.
- Достойная похвалы привычка. Я тоже следую сему правилу, но осторожно, чтобы Бог сторожил!
- Приведи успешный пример.
- Охотно. Незадолго до разоблачения Ахан говорил мне, дескать, Накман задумал зло против иудеев, а Рахав с ним солидарна, - начал Йошуа.
- Ты поверил? – перебил Калев.
- Верный похвальному твоему и моему обыкновению, я насторожился и встревожился.
- И что же, подвело тебя мое правило?
- Суди сам. Что насторожился я – хорошо, а что не поверил до конца – еще лучше! Жребий недвусмыслен: Ахан вор!
- Почему не поверил до конца? А слова вора о злонамерении Накмана – причем тут? Объясни!
- Все связано, дружище. Плод не созревает за ночь, и негодяем не становятся вдруг. Мерзость живет и копошится в сердце супостата от молодых ногтей его. Яд и ложь были в словах каналы. Усомнился я в словах Ахана, и уберег меня Бог от скоропалительности.
- Пример хорош.
- Я вижу, Калев, ты не спокоен. Что на уме у тебя?
- Я хочу убедиться в правоте вердикта жребия.
- Ты не полагаешься на Господа?
- Боже, сохрани! Я верю полной верой!
- Но ведь ты не убежден в правоте вердикта!
- Я боюсь ошибки. Я должен проверить.
- Как?

- Расследую, разберусь!
- Вольному воля! – сухо заметил Йошуа.
- Спасенному рай, а черту – болото! – примирительно сказал Калев.
- Зачем проверять Всевышнего? Казнить по ошибке – совесть запятнать. К чему нам рогатки на пути к великой цели?
- На пути к великой цели очистим совесть, коли будет нужда!
- Кажется, зовут на ужин.
- Идем!

8

Калев поставил перед собой цель выяснить, в чем состояла вина Ахана, если таковая действительно существовала. Принимая во внимание небесное авторство обвинения, можно с уверенностью утверждать, что задуманное предприятие чрезвычайно неблагодарное и, пожалуй, даже рискованное.

Далеко не так просто дело Ахана, как может показаться на первый взгляд. Разумеется, в мире нет ценности выше истины, но это обстоятельство есть лишь одна сторона монеты. На другой ее стороне был выбит недвусмысленный обвинительный вердикт, который, по существу, являлся решением Господа. Возражать Всевышнему? Сочувствуя честному и отважному Калеву, пожелаем ему неудачи, дабы не сумел правдолюб поставить под сомнение приговор божественного жребия и тем самым подвергнуть себя великой и непредсказуемой опасности.

Допуская риск утраты небесной приязни, Калев тем не менее решился на поступок. С чего или с кого начать расследование? Ахан, древнего безвременья герой, побит камнями, казнен, мертв – от него не услышать ни звука правды, ни слова лжи. Калев подумал, что для начала следует познакомиться с Рахав – роль у этой особы не эпизодическая.

“Какой, однако, предлог для визита изобрести и с чего разговор начать? – размышлял Калев, - не скажешь ведь, дескать, сомневаюсь я в вине Ахана, хочу разобраться, а заодно узнать, нет ли твоего, Рахав, интереса в этом деле. Нет, так не пойдет, так толку от нее не добьешься. Впрочем, я придумчивый, измыслю что-нибудь экспромтом!”

***

- Мир и благополучие тебе, красавица Рахав, - сказал Калев, входя в известный уже читателю шатер, - меня зовут Калев, я друг Йошуа.

- И тебе благополучие и мир, важный иудей, - ответила Рахав, - с чем пожаловал?

- На воспоминания меня потянуло. Проходил мимо, дай, думаю, зайду, побеседуем, послушаю умные речи.

- Лестно слышать.

- Я от сердца говорю. Хорошо ли ты помнишь, Рахав, как брали наши бойцы твой город Йерихо?

- Как не помнить! Разве забудешь такое! Твои воины избавили мой клан от гибели. Мы вам жизнью обязаны.

- Да, мы спасли вас. Долг велик и лежать не велит.

- Напоминаешь о долге? Чего же ты желаешь, Калев?

- Народ мой малочислен, пополните его. Примите иудейскую веру, Бога нашего за единственного признайте, и зашагаем вместе. Творец испытывает одни огорчения. Порадуйте Его.

- Нелегко от своих богов отрешиться. Думаем.

- Страшно отрешиться? Неужто столько гнева в душах богов? Если никак не возможно сие для твоего клана – отпускаем вас на все четыре стороны.

- Не торопи. Советуемся меж собой.

- Ждем.

- Есть еще что-нибудь на уме у тебя, Калев?

- Есть, красавица Рахав. Я пришел с поручением личного свойства от Йошуа.

- Личного свойства? О, я вся внимание! – оживилась Рахав.

- Йошуа, мой лучший и давнишний друг, доверил мне сообщить, что ты нравишься ему, и он допускает возможность женитьбы на тебе. Разумеется, при условии принятия тобою нашей веры. Он сожалеет, но важные дела не оставляют ему времени для романтических бесед.

- Я польщена, - вымолвила Рахав, зардевшись от блаженства и обиды.

- Йошуа желает знать, в какой мере ты расположена к нему. Говори смелее, я передам ему твои слова.

- Калев, ты можешь уведомить своего старинного друга, что он мне очень нравится, и я была бы безмерно счастлива соединить с ним свою судьбу. Разумеется, при условии выполнения его условия.

- Я рад за вас обоих. Вот только радость омрачена преступлением Ахана. Мы его любили, и вдруг такое... Впрочем, навряд ли тебе это интересно...

- О, нет, Калев! И мою душу задело горе, хоть и чужая я!

- Задело? Ты знала Ахана?

- Знала. Храбрый воин, красивый юноша, горячее сердце. Он признавался мне в любви, оставив в стороне прочие дела. И тут это несчастье!

- Как сошлись вы вместе?

- Он приходил ко мне в шатер, вот как ты сейчас пришел. Он клялся в любви, звал замуж, говорил, что на все для меня готов, мол, ты единственная у меня! Чего только не простишь за такие пылкие слова!

- А было что прощать?

- Служанка донесла, что он убеждал Йошуа не жениться на мне, потому как я язычница. И еще говорил, что Накман хочет причинить иудеям зло, а я, дескать, с братом заодно. Но я простила Ахана. Ведь он из ревности делал это. А ревновать – значит любить!

- Что-то не пойму тебя, Рахав, запутался я вконец. Кому из двух твоя любовь назначена, и за кого ты замуж хочешь?

- Неповоротлив мужской ум. Люблю я Йошуа и хочу быть ему женою. О нем и только о нем мечтаю. А Ахана я не любила, а лишь ценила и прощала за страсть ко мне.

- Кажется, начинаю понимать. И верно, зачем тебе Ахан, ведь он годами слишком молод!

- Я так и объясняла ему. Но он, горячее сердце, и слушать не хотел. Твердил, мол, озолотит меня, лишь бы я сказала “да”.

- Озолотит? Он предлагал тебе богатство?

- Предлагал. Да что мне золото его? Я дорожила им за пылкость чувств!

- Как здорово – почитать нежные чувства выше заурядной корысти!

- Да, я такова. Однако убеждена, что воровство – гнуснейшее деяние. Судьба Ахана ужасна. Он похититель – так ваш жребий утверждает. Не уверена, но осуждаю. Осуждаю, но не отрекаюсь.

- Прицать преступление, а не исполнителя оно, есть свойство высокого духа и гуманного сердца.

- Благодарю за похвалу.

- Пустяки. А что думает Накман об этом деле?

- Боюсь, ему не до того – он горюет, и есть на то причина.

- Какая?

- Он потерял любимых деток и жену. Их убили ваши, когда весь выводок из любопытства вышмыгнул за порог поглядеть на пожар Йерихо. Они сами виноваты, но от признания этого боль Накмана не стала меньше.

- Бедный Накман, мне жаль его.

- Мне тоже. Ведь родная кровь. Он собирался мстить иудеям.

- Мстить нам?

- Да, Калев. Мне удалось отговорить его. Но беспокоит Накман меня.

- Не удивительно. Ведь родная кровь.
- Он утратил к жизни интерес. Целиком предался горю. Что ни делает – не идут дела. А ведь не беден он, и мог бы жить!
- Ты говоришь, не беден он?
- Он фантастически богат. Двенадцать золотых статуй бога-покровителя нашего клана принадлежат ему.
- Красивые статуэтки?
- Красотой не отличаются, их ценность в том, что золотые. Можно задорого продать, выручку к делу приложить – было бы умение!
- А как выглядит ваш божок, и как звать его?
- Имени не помню, сейчас я все больше о вашем Боге думаю. А драгоценная кукла в локоть высотой. Мужчина с бородой, ножки короткие, ручки на груди сложены, голова большая, глаза закрыты.
- И как же Накман распорядился своим богатством?
- То-то и горе, что худо распорядился! Зарыл сокровища в землю.
- Плохо разве? Сохраннее будет золото!
- В сохранности выгоды мало. Отдал бы лучше мне, хотя бы часть. Уж я бы извлекла прибыль. Я умею богатство умножать. Не даром большой харчевней правила!
- Коли умудрилась удержать брата от глупой мести, то непременно сможешь убедить его поделиться с тобою.
- Дни покажут. Да и в самом деле: убитых не вернешь, а в золоте сила и довольство!
- Прав Йошуа: умна ты, Рахав!
- Спасибо на добром слове. Приятно. Только не от тебя его жду, а от вождя вашего!
- Я доложу ему всё, о чем говорили мы. Полагаю, Йошуа прилепится к тебе. Хотя поручиться за него не могу.
- Передай, что мечтаю о нем, и полезнее меня ему жены не сыскать.
- Передам непременно.

***

Покинув шатер, Калев принялся перебирать в уме подробности разговора с Рахав. Он мысленно похвалил себя за успешный экспромт: “Недурно, однако, придумал я, будто Йошуа поручил мне сказать о его сердечной склонности к Рахав. Как зарделась она от счастья, услышав, что

вождь наш не прочь жениться на ней! Стрела в яблочко угодила. Надеется за него выйти. Подольстилась ко мне, словоохотлива была!”

“Хваткая баба Рахав, корыстная, - продолжал размышлять Калев, - любит золото, должно быть, умеет им распорядиться с толком. Я б такую в жены не взял. А Йошуа человек осмотрительный, семижды семь раз отмеряет, зачем ему мой совет? Не буду пока сообщать ему о моем разговоре с Рахав. Тем более что не одобряет он мое расследование”.

“Я крепко верю в свой нарождающийся талант дознавателя. Начало положено. Буду продолжать. На сегодня довольно – темнеет уже. Утро мудренее вечера. Завтра снова примусь за размышления, намечу дальнейшие шаги”.

9

Сотворив утреннюю молитву, Калев принялся скрупулезно обдумывать вчерашнюю беседу с Рахав. Фразу за фразой, слово за словом. Интонации и жесты тоже информативны. Первый же опыт дознания навел Калева на догадку, что в этом ремесле любые, даже малозначительные на первый взгляд детали, заслуживают внимания, и нет такой мелочи, которая не может стать важным звеном в логической цепи расследования. Мудрый ценит мелочь ради пользы, которую из нее можно извлечь.

Факты, новые и старые, необходимо зафиксировать в уме, не упуская ни одного из них. Рассматриваемые в правильной последовательности, они обнажат причинно-следственные связи событий и в итоге укажут на виновного или виновных, если таковые имеются, и приведут расследование к успешному финалу.

Не смотря на многие лета свои, Калев, к счастью, имел прекрасную память, не утратил завидной способности к логическому мышлению, был находчив, ярко красноречив или умело косноязычен, в зависимости от ментальной индивидуальности собеседника, и обладал иными важными врожденно-профессиональными качествами, необходимыми детективу.

Найдя тихое и тенистое место на окраине лагеря, Калев принялся нанизывать на нить дознания известные ему факты.

Во-первых, Йошуа не прочь жениться на Рахав, и она осведомлена о его склонности к ней. Во-вторых, Рахав страстно желает выйти замуж за Йошуа. Эти два обстоятельства определенно влияют на помыслы и действия обоих.

В-третьих, Ахан горячо любил Рахав, а та, в свою очередь, упивалась сознанием его любви и ревности. В-четвертых, предприимчивый Ахан пытался повлиять на Йошуа, отвращая последнего от мысли о браке с Рахав. Два этих пункта говорят нам о тщеславии одной и хитрости другого.

В-пятых, опьяненный страстью, Ахан сулил своей зазнобе богатство взамен на ее согласие стать ему женой. Всем известно, что Ахан сирота, не имеет перспектив на получение наследства и вообще беден. Выходит, он использовал тривиальный мужской прием ложных посулов ради завоевания женского сердца. Либо... Вот это “либо” я должен подвергнуть следственной проверке!

В-шестых, Накман, по признанию Рахав, имел умысел отомстить иудеям за убиение любимых деток и супруги. В-седьмых, Рахав заявила, что отговорила брата от мести. Нельзя исключить,

что истина на устах ее, то есть Накман действительно задумал зло, а она остановила его. Говоря правду, она демонстрирует Йошуа свою благонадежность.

Но, возможно, Рахав лжет – иными словами она не удерживала брата от намерения мстить, или он вообще не имел такого намерения. Тогда ее заслуга перед Йошуа состоит в том, что она предупреждает его об опасности, пусть даже мнимой. Выходит, ложь, как и правда, тоже выгодна ей. Человек сметлив, коли ожидает выгоды.

Ну, а если Накман действительно собирался или собирается причинить иудеям беду, то, значит, он опасен, и необходимо принять превентивные меры. В этом случае, задуманное им лихое действо неизбежно влияло бы на его планы и действия, которые, кстати, вполне могли быть связаны с историей Ахана. Следует разобраться в этом хитросплетении.

В-восьмых, Рахав утверждает, что Накман баснословно богат, однако с великого горя уничтожил свои сокровища, безвозвратно зарыв их в землю. А вдруг она обманывает, то есть он вовсе не лишил сам себя богатства, а нашел ему некое применение, вовсе небезобидное для нас, иудеев? И это обстоятельство тоже требует расследования.

И, наконец, в-девятых, Рахав алчно претендует на достояние Накмана. Ее тяга к золоту выглядит правдоподобной. Не задумала ли она чего-нибудь такого, что могло бы иметь связь с делом Ахана или навредить нам? Было бы не худо выяснить и это, хотя навряд ли их внутриклановые ковы представляют для нас опасность.

Зафиксировав в уме открытые ему на данном этапе расследования факты, Калев пришел к заключению, что настало время познакомиться с Накманом. Что бы ни услышал Калев из уст брата Рахав – никчемную правду или полезную ложь – всё сгодится для дознания.

***

Калев нашел Накмана одиноко сидящим на большом камне вдали от шума людского, в тихом месте на опушке леса. Поза согбенная, локти уперты в колени, подбородок и щеки покоятся на раскрытых ладонях, темные круги под глазами, лицо худое, волосы растрепаны, взгляд отстраненный. Накман выглядел погруженным в горестные думы отшельником.

- Приветствую тебя, Накман, - произнес подошедший дознаватель, - я – Калев, друг нашего вождя Йошуа.

- Садись, Калев, на этот камень напротив меня, - ответил Накман, - поговорим о том о сем.

- Дошли до меня слухи о твоём несчастье, Накман. Мы, иудеи, народ сострадательный, вот я и пришел к тебе со своим сочувствием.

- Спасибо. Сочувствующий упивается превосходством. А сострадание иудейское мне слишком хорошо знакомо.

- Вижу, тяжело на сердце у тебя. Мы же следуем правилу: не судить человека в беде за несправедливые слова его.

- Не только у вас, у всех такое правило.

- Может, помощь тебе требуется?

- Мне ничего от вас не нужно. Когда сам справляюсь, а когда и Рахав помогает. Клан у нас дружный, своего в беде не оставляем.

- Расскажи про семейство покойное. Надо больше говорить с людьми о страдании своем – душа оттаивает.

- Это ты верно подметил. Мученику тем легче на сердце, чем чаще случается ему горе изливаться. Беда вот только, что не хотят люди о чужой боли слышать.

- Я – верный слушатель твой.

- Ты чужой, Калев. Устам страдальца родные уши требуются.

- Сестра у тебя есть.

- Мысли Рахав о живых, не о мертвых.

- Должно быть, прав ты.

- Да, прав я. Проверено.

- А скажи-ка, Накман, верно говорят, что собираешься ты мстить иудеям за убиение жены и детей?

- Собирался, но передумал.

- Понимаю, почему собирался, но не понимаю, почему передумал.

- Рахав меня отговорила, вот и передумал.

- Рахав права, она мира хочет.

- Рахав замуж за вашего Йошуа хочет, потому мир ей с вами нужен. А я люблю сестру, добра ей желаю. Вот и отступился от прежнего умысла.

- Отступился? Не знаю, верить ли тебе!

- Я делом доказал! Если бы имел злое намерение, разве стал бы я помогать вам?

- Ты помогал нам?

- А кто жребием управлял на суде Ахана? Не я ли?

- Верно. Это и логично, и убедительно. Коли помогал нам, значит, не носишь более зла на иудеев.

- То-то! Накман зря не скажет!

- Кстати, об Ахане. Знавал ли ты его до суда?

- Приходилось. Встречался с вашим юным героем.

- Случай свет?

- Нет, не случай. Ахан искал встречи со мной. Он признался, что влюбился по уши в мою сестрицу. А она нос воротит. Вот он и спрашивал у меня, как подобраться к сердцу Рахав, дескать, я ее хорошо знаю.

- Дал совет ему?

- Нет. Не мое это дело. У меня голова своей бедой занята.

- А все-таки напрасно ты, Накман нашей помощью пренебрегаешь. Ведь бедно ты живешь, скудно.

- Я не пекусь о мирских благах. Кусок хлеба да глоток воды – всё, что мне надо. Когда великое горе у человека – нет иного интереса, кроме как о счастливом прошлом вспоминать. Хотя бы так, в одиночестве сидя на камне!

- Я с Рахав говорил. Она любит тебя, и огорчает ее твое равнодушие к собственному благополучию.

- Рахав права по-своему. Она женщина практическая, ценит достаток. Я-то ее понимаю, а вот ей меня до конца никак не понять. Не испытавши горя – не проникнуться им. Да и кому она нужна, не своя печаль!

- Рахав сказала мне, что прежде ты был богат, а теперь бедняк-бедняком.

- Было у меня богатство. Я владел двенадцатью статуями божества и покровителя нашего клана. Все статуи из чистого золота. Да на что мне это теперь?

- А верно говорят, что ты сокровища в землю зарыл? Сетует Рахав, что не поделился с нею.

- Сестрица моя, повторяю, женщина практическая. Она свою выгоду и без моего золота найдет.

- А что это значит, зарыть сокровища в землю?

- Я схоронил жену и деток в одной могиле и положил туда все статуэтки. Пусть покойные безбедно живут в другом мире и мужа и отца добром вспоминают. Вам, иудеям, никогда не понять этого.

- Да, Накман. Мы так не поступаем. У нас другие понятия. Кстати, не готовишься ли ты принять нашу веру?

- О Боге своем тебе лучше с Рахав беседовать. Ей эта тема ближе. Не в моем положении о вашей вере думать.

- Наше племя другого мнения, и я сию минуту доказал бы тебе...

- Ты, Калев, хочешь открыть дискуссию? – недовольно перебил Накман.

- Виноват, сейчас не к месту.

- Не к месту и не ко времени.

- Я прощаюсь, Накман. Хотя, нет, пожалуй, не прощаюсь. А мое предложение о помощи остается в силе.

- Спасибо, Калев.

10

Итак, на счету Калева уже две важных беседы с центральными персонажами истории. Рассказы Рахав и Накмана порождали в голове детектива все новые и новые вопросы, а путь к истине не сокращался, но, казалось, становился длиннее и извилистее.

“Эти люди щедры на слова, - размышлял Калев, - а не прячется ли за словоохотливостью умысел скрыть правду? Сомнительные случаи не любят поспешных суждений, и я высоко ценю креативную неопределенность. Сомнения ведут к уверенности, с них начинается разум. Короче: мои сомнения – мое богатство!”

“Накман бесспорно погружен в глубокое горе, - продолжал рассуждать Калев, - он ненавидит нас, и это очевидно. По его собственному признанию, и, по словам его сестры, он потерял интерес ко всему на свете. Однако так ли это? В его положении естественно мстить, и он собирався это делать, но поддался увещаниям Рахав. Удивительная покладистость!”

“В том, что касается намерения Накмана причинить вред иудеям и последующего отказа от этого плана, слова сестры и брата чудесным образом сходятся. Такое совпадение не случайно – за ним стоит либо правда, либо хорошо слаженная ложь. Проверить - моя обязанность”.

“Я поверил Накману, когда он сказал, что Ахан добивался встречи с ним. Ведь у казненного нами искателя руки и сердца Рахав был крайне серьезный соперник. Шаткость брачных надежд Ахана совершенно естественно толкала его к поиску любого, пусть даже незначительного, шанса завоевания предмета своей любви”.

“Да, Ахан искал встречи с Накманом, а вот вопрос о богатстве последнего и странной судьбе золотых статуэток не кажется мне столь простым. Как будто бы оба, и брат, и сестра, говорят одно и то же – сокровища зарыты в землю. Однако, если Накман совершенно однозначно называет цель и место захоронения драгоценных идолов, то Рахав выражается не вполне определенно. Принимая во внимание равнодушно-алчное отношение Рахав к имуществу брата и неодобрение его действий, нельзя всецело доверять ее словам об этом предмете”.

“Мне тщание пророчеств не сулит, зато чутье и нюх всегда проворны, - пытался Калев призвать на помощь словесную ритмику, - внутри меня народилась интуиция детектива! Замечательное это свойство подсказывает, что ближайшим объектом моего интереса должна стать проверка достоверности речей Рахав и Накмана о таинственном исчезновении золота. Уверен, на этом пути я вправе ожидать счастливую полосу удач, отрадную пору, очей очарованье. Как говорится, один успех идет и за собой другой ведет! И вовсе не про меня сказано, мол, кого удача полюбит, тот поглупеет вдруг!”

***

Калев отыскал боевых друзей Ахана.

- Здравствуйте, бойцы, узнаете меня? – воскликнул Калев.

- Нет, не узнаем. Кто ты таков?

- Я Калев, старый товарищ нашего общего с вами вождя Йошуа.
- Раз пожаловал к нам, значит, понадобились, - догадался первый друг Ахана.
- Угощайся нашей солдатской пищей, - пригласил второй друг Ахана, - немудреная, зато сытная!
- Спасибо, бойцы, я неприхотливый, рад угощению из солдатского котла.
- Чего тебе надобно от нас, Калев? – спросил первый, дождавшись, когда гость покончил с трапезой.
- Я хочу глубже разобраться в деле Ахана. Вы – бывшие друзья его, можете мне помочь. Пришел расспросить вас кое о чем.
- Спрашивай, Калев, - сказал второй.
- Хорошо ли знали вы вашего командира? – начал Калев
- Думали, что хорошо знали, а видишь, как оно вышло! - с горечью заметил второй.
- Ахан был самым храбрым из нас, так мы помним его! – добавил первый, - вел нас от победе к победе.
- Не забывай про Ай! – вставил Калев, строго глянув на первого.
- Он никогда не командовал “Вперед!”, он командовал “За мной!” – поддержал второй.
- Верите ли вы, что Ахан – вор? - с солдатской прямоотой и краткостью спросил Калев.
- Сами не знаем. Все-таки стрелка указала на него, а разве со жребием поспоришь? – сказал первый, - вот только душа не принимает.
- Говорят, он влюбился. Не доведут бабы к добру! – вымолвил второй.
- Может, он крал, чтобы зазнобу свою ублажить? – допытывался Калев.
- Кто знает? Нынче всякое безобразие может случиться, такие времена пошли, - заметил первый.
- Ни к чему ему было красть, ведь он разбогател нежданно-негаданно! – воскликнул хорошо осведомленный второй.
- Вот не знал! – удивился первый.
- Олух ты, коли не знал! – заметил второй первому.
- Да и я тоже не думал, что Ахан богат! – вступился за первого Калев.
- Жил бедняком, а умер богачом! – пояснил второй.
- А откуда у него богатство? – полюбопытствовал первый.

- Вот это как раз и неведомо! – заявил второй.
- А что тебе ведомо? – наострил уши Калев.
- Знаю я, где добро его спрятано!
- Далеко? – спросил Калев.
- Близко. В пещере вон за тем холмом, - показал второй.
- Быстро веди нас туда! – скомандовал Калев.
- Темно тут! – проворчал первый, входя в пещеру.
- Запалите огонек! - нетерпеливо бросил Калев.
- В той нише, за большим тяжелым камнем, - показал второй.
- Ничего, втроем справимся. Навались-ка, ребята! - воскликнул Калев, и шесть рук сдвинули увесистый валун.
- Смотрите! – вскричал первый и осветил факелом глубину ниши.

***

Калев увидел перед собой сложенные аккуратно рядом статуэтки, изображающие большеголового бородатого мужчину с закрытыми глазами, с короткими ножками и сложенными на груди ручками. Величиною фигурки были приблизительно с локоть.

В полумраке пещеры куклы блестели золотом. Калев попытался пошевелить одну из них. Не поддалась – вес изрядный! “Это же идола клана Рахав, в точности, как она их описала! – блеснула мысль в голове Калева, - сколько же их тут?”

Наш дознаватель сосчитал статуэтки, пересчитал еще и еще – всякий раз выходило одиннадцать. “Странно, - подумал Калев, - а ведь Рахав говорила о двенадцати. Это же самое число называл Накман. Где еще одна? Не отсутствующая ли фигурка и есть ключ к тайне? Необходимо отыскать ее!”

Трое мужчин задвинули камень на его прежнее место. Калев велел солдатам молчать до поры до времени о найденном кладе. Он спроштался с бойцами и отправился к себе в шатер. Настроение у него было приподнятое, как у человека, сделавшего долгожданный широкий шаг в направлении цели. “Необходимо хорошенько поразмыслить об этом открытии!” – сказал себе дознаватель.

Сидя на пне возле шатра, под луной и звездами, в благодатной ночной тиши Земли Обетованной, обдумывал Калев свои следующие шаги. Теперь он знал, или догадывался (что практически одно и то же, ибо интуиция дознавателя делает догадку равносильной точному знанию) с кем говорить, где искать, о чем спрашивать. Вдохновение и азарт истинного детектива совершенно охватили его душу и мозг. Через два-три дня Калев до конца раскрыл дело Ахана и был готов доложить результаты расследования самому Йошуа, да и всему народу иудейскому.

Сидя в своем шатре, Рахав в очередной раз обдумывала настоящие Йошуа принять веру иудеев, а поклонение идолам отвергнуть навсегда. “И впрямь, - размышляла она, - так ли уж велика разница: много у тебя богов, или один единственный Бог, вобравший в себя все небесные сноровки? И они, и Он являют небесную волю, что кладет нам предел. А вот на земле и люди не обделены собственной силой, которая, как таковая, вроде бы и не велика птица, но и не козявка какая-нибудь. Кое в чем мы сами управляем своею жизнью. Скажем, любовь и богатство – в человеческой власти. И то и другое ожидает меня, коли выйду за Йошуа. Так отчего же не уступить смешному желанию иудейского вождя?”

Размышления Рахав были прерваны появлением служанки.

- Госпожа, можно к тебе? – крикнула девушка взволнованным голосом.

- Входи, голубушка! – ответила Рахав, и волнение служанки почему-то передалось хозяйке.

- Госпожа, я принесла важную весть!

- Говори скорей!

- Прибыл посланец от Йошуа. Верхов на коне. Велел передать тебе, мол, сегодня в полдень у них в лагере важная встреча с нашим кланом, тебе и брату твоему быть непременно!

- Как выглядел вестник?

- Нарядный, радостный. Передал впопыхах новость и поскакал обратно.

- Нарядный, радостный! Как думаешь, душенька, что за встреча ждет нас?

- Думаю, Йошуа собрался жениться на тебе. Не иначе, о свадьбе будет разговор!

- Похоже на то. Кажется, сбывается! Побегу за Накманом. А ты пока приготовь лучший мой наряд и сама приоденься. Решено: принимаю их веру и по дороге Накмана уговорю.

Не чуя ног под собою, Рахав помчалась на опушку леса, где на камне восседал Накман в привычной горестной позе, размышляя о несчастной судьбе жены и деток.

- Эй, Накман, - прокричала Рахав, еще не добежав до брата, - вставай, наряжайся, едем в иудейский лагерь!

- Чего случилось опять? Нарядиться-то зачем? – изумился Накман.

- Мы приглашены. Йошуа меня замуж берет. О свадьбе будем сговариваться!

- Дождалась, значит. А я причем? Твой праздник.

- Ты – брат. У них так заведено – мужчина в семье главный, ты должен одобрить.

- Ладно, поеду.

- Нос кверху! Всем нам хорошо будет!

***

На широкой поляне, неподалеку от шатра Йошуа, расположились иудеи в ожидании гостей. Сам вождь восседал на красивом трофейном стуле, захваченным в одном из богатых домов покоренного Йерихо. Рядом с ним стоял Калев, на лавках расположились старейшины, на траве сидели командиры, бойцы, слуги. Никто точно не знал причину собрания, но настроение у всех было приподнятое, какое случается в предчувствии дележа военной добычи.

Показался конный поезд. Впереди степенно ехала крытая разукрашенная повозка, запряженная парой лошадей. Внутри нее сидели разодетые Рахав и Накман. Далее громыхали три-четыре подводы, на которых расположились важные члены клана.

Распорядитель собрания помог гостям сойти на землю, указал им места на лавках и на траве. Рахав и Накман уселись на стулья напротив Йошуа и Калева. Лицо Накмана выражало апатию, глаза Рахав сияли.

Не вставая со своего места, Йошуа громогласно произнес: “Гости и хозяева, иудеи и язычники! Мой старинный друг Калев имеет сообщить всем и каждому весьма важные новости, которые кого-то обрадуют, других приведут в замешательство, а иных потрясут. Приступай, Калев!”

Калев вышел на середину лужайки и приготовился говорить. Несколько озадаченные неожиданным началом, хозяева и гости приготовились слушать. Удивленные Рахав и Накман переглянулись.

- Всем собравшимся здесь хорошо известно, - начал Калев, - что мы, иудеи, избранный Богом народ, завоевываем эту землю, по праву, данному нам Господом. Мы одержали блестящую победу в Йерихо, но, к несчастью, потерпели поражение в Ае.

- Неужто у иудеев брачные переговоры начинаются с перечисления военных побед и поражений? – шепнул Накман сестре.

- Удивлена не меньше тебя, - ответила Рахав брату.

- По повелению Всевышнего, - продолжил Калев, - мы с помощью жребия провели расследование, которое показало, что один из наших офицеров, Ахан его имя, совершил тяжкое преступление, присвоив себе принадлежащее Господу имущество. Гневаясь на свой народ, Бог временно приостановил содействие нам.

- Это давно всем известно, зачем было собирать нас? – разочарованно проговорила Рахав.

- Странно, очень странно, - с тревогой заметил Накман.

- Я прошу внимания! – строго и громко воскликнул Йошуа, - говори дальше, Калев!

- Ахан был казнен, - возобновил речь Калев, - и поэтому Господь простил иудеям грех одного из них, и позволил избранному народу продолжить победный путь.

- Переходи к делу, Калев! – нетерпеливо призвал Йошуа.

- Я перешел к делу уже тогда, - еще более нетерпеливо ответил Калев, - когда впервые задался вопросом о справедливости обвинения в воровстве командира с прекрасной репутацией и о чистоте суда над ним!

- Не нравится мне эта возня! – сказала Рахав на ухо брату.

- Я ничего хорошего не жду от этого народца! – поддержал Накман.

- Тихо! – крикнул Калев, - прошу слушать и не перебивать! Для начала я повторю известные и неоспоримые факты. Итак, внимание! Наш вождь Йошуа имел определенную сердечную склонность к Рахав, а та, в свою очередь, любила его. Более того, он подумывал взять Рахав в жены, а она горячо желала соединить с ним свою судьбу.

- Можно было бы избежать подробностей личного характера, - проворчал Йошуа.

- Почему, Калев, ты говоришь о любви в прошедшем времени? – возмутилась Рахав.

- В деле дознания нет незначительных подробностей, а уместность прошедшего времени станет очевидной к концу рассказа, - ответил Калев своему командиру и Рахав.

- Излагай дальше, - подстегнул Йошуа.

- По признанию Рахав, - продолжил дознаватель, - Ахан был страстно влюблен в нее, и в то же время возможность брака между нею и Йошуа не являлась тайной для него. По этим двум причинам, как сообщила мне Рахав, он из ревности отговаривал Йошуа от намерения жениться на ней. Ища пути к сердцу возлюбленной, юный командир предлагал ей огромное богатство взамен на согласие стать его женой. Рахав ценила любовь Ахана, но замуж хотела выйти за Йошуа и только за него. Не исказил ли я твоих признаний, Рахав?

- Нет, не исказил, - раздраженно бросила Рахав.

- Несколько слов о брате Рахав, - сказал Калев, - теперь будь внимателен ты, Накман. Как все мы знаем, наши бойцы убили твоих детей и жену. Поэтому ты задумал мстить иудеям.

- Да, так было, но сестра убедила меня оставить мысль о мести! – возразил Накман.

- К этому мы еще вернемся, - заметил Калев, - а сейчас добавлю, что, по твоему собственному признанию, ты сам лишил себя богатства, зарыв принадлежавшие тебе двенадцать золотых статуй вашего кланового божества в общую могилу жены и детей – чтобы они, мертвые, не знали нужды в ином мире.

- Верно говоришь, дознаватель, - крикнул Накман, - да только тебе, иудею, не понять моего сердца!

Упрек Накмана остался без ответа. Калев попросил воды. Утолив жажду, он обратился к Йошуа: “Не возражаешь, если я перейду к вещам, менее приятным для некоторых из присутствующих здесь?” В ответ Йошуа сделал жест рукой, означающий одобрение и ободрение.

***

- Повторю важные вещи, - начал Калев, - нам известно следующее: Рахав горячо желала супружеского союза с Йошуа. При этом она знала, что Ахан убеждал Йошуа не жениться на ней. Сия целеустремленная особа умеет ликвидировать препятствия на пути к задуманному. Поэтому я делаю следующее логичное предположение: Рахав вполне могла быть заинтересована в устранении Ахана, дабы не стоял на дороге.

- Какая наглость! – возмутилась Рахав, - еще немного, и мне пришьют дело о побитии вора камнями!

- Калев, - сердито бросил Йошуа, - не слишком ли часто ты упоминаешь мое имя всуе? Это непочтительно по отношению к вождю!

- Ты не возражал против моего расследования, дорогой Йошуа, – не менее сердито ответил Калев, - теперь будь добр терпеть. А тебя, Рахав, я попрошу выражаться лояльнее. Мы, иудеи, не шьем дел!

- Продолжай! – буркнул Йошуа.

- Теперь присмотримся повнимательнее к деяниям Накмана, - сказал Калев, - он имел намерение причинить нам некое зло. По свидетельству его сестры, и по его собственному утверждению, Рахав якобы отговаривала брата от сего умысла. Возможности проверить справедливость этих слов нет. Но есть факт: Накман солгал, когда заявил, что свои двенадцать золотых статуэток зарыл в могилу к погибшим жене и детям!

- Негодяй! – вскричал Накман, - ты раскопал могилу, нарушив вечный сон покойных! Ты не нашел там статуи? Стало быть, кто-то из вас, иудеев, слепых отвергателей бытия мертвых, ограбил мою несчастную семью! Убили, да еще и наследуете!

- Сбрось личину страдальца, лицедей! – гневно воскликнул Калев, - могила никем не тронута. Бывшие боевые друзья Ахана помогли мне найти твои статуэтки. Идолы находятся в пещере, вон за тем холмом.

- Калев приходил к нам и расспрашивал о командире, - сказал первый друг Ахана.

- Мы показали ему клад Ахана, - добавил второй друг.

- То были другие статуэтки! – взвилась Рахав.

- Нет, не другие! – возразил Калев, - их вид в точности совпал с твоим описанием, Рахав, и изрядная тяжесть идиолов говорила о том, что это не позолоченная глина, а чистое золото!

- Зачем ты лгал, Накман? – возмущенно спросил Йошуа, - правда настигает лжеца!

- Лжет Калев, - парировал Накман, - моя совесть чиста!

- Ты спрашиваешь, зачем Накман лгал, - обратился Калев к Йошуа, - я отвечу тебе. Как видно, он вовсе не оставил мысль о мести, да руки короткие. И тогда он задумал сотворить зло чужими руками. Где есть умысел, там есть и вина. Накман подкупил Ахана своими золотыми статуэтками!

- Бред! – возопил Накман.

- Бред! – подхватила Рахав.

- А теперь я снова упомяну об устранении Ахана, - проговорил Калев, игнорируя реплики брата и сестры, - не только Рахав, но и Накман был заинтересован в том, чтобы избавиться от Ахана. Не нужен Накману живой свидетель, который может выдать его участие в злодеянии!

- Калев! – вскричал Йошуа, - ты знал Ахана не хуже меня. Разве жаден до золота был наш прежний друг? Почему польстился он на богатство Накмана?

- Ахан потерял голову от любви, - печально ответил Калев, - и чтобы заполучить в жёны Рахав, он обещал ей несметные богатства. А где их взять простому офицеру? И тут случился Накман со своим золотом. Похоже, эти двое прищлись друг другу кстати.

- Гнусные инсинуации! – бросил в пространство Накман.

- Мы люди честные, - поддержала брата Рахав, - к нам не пристанет липкий оговор.

- Расследуя дело, я выдвинул еще одно предположение, - заметил Калев, не обращая внимания на реплики брата и сестры, - если оба, и Рахав, и Накман были заинтересованы в устранении Ахана, стало быть, они вполне могли составить сговор!

- И что же? Подтвердилось твое предположение? – спросил Йошуа.

- Друг, дай передохнуть, и я расскажу обо всем по порядку!

***

- Зачем ты привела меня сюда? Слушать клевету? – обратился к сестре Накман.

- Тебе известно зачем! – ответила Рахав, - я думала... в общем, ты знаешь!

- Этот человек делает абсурдные предположения и из них выводит такие же абсурдные обвинения! – заявил Накман.

- Давно уж известно: человек предполагает, и сам же располагает. Довольно предположений, Калев, выкладывай факты! – потребовал Йошуа.

- Именно это я и собираюсь сделать, - ответил Калев, - итак, я отправился в заповедное место, где расположена сокровищница Господа. К ней приставлен сторож, который охраняет достояние Всевышнего. Я спросил оберегателя, знает ли он наперечет вверенное ему добро. Он сказал, что это есть его прямая обязанность. Я задал вопрос, а всё ли имущество сохранно после нашей победы в Йерихо. И тут почтенный старец помрачнел, и две скупые слезы выкатились из глаз его. Он признался, что однажды ночью задремал, а когда очнулся, увидел в свете луны и звезд две удаляющиеся фигуры – мужчину и женщину, и они несли что-то в руках. Я попросил его описать внешность похитителей. Оказалось, дальнзоркий старик неплохо разглядел оба силуэта. Из его описания недвусмысленно следовало – то были Рахав и Накман! Неусердный караульщик прибавил, что проверил сокровищницу – не доставало плаща шинарского, двухсот шекелей серебра и слитка золота в пятьдесят шекелей весом!

- Так ведь это те самые вещи, которые нашли в шатре Ахана! – прокричал его бывший первый друг.

- Значит, эти проклятые язычники подложили командиру нашему имущество Господа! – подхватил второй друг Ахана.

- Да, это, без сомнения, сделали они! – решительно заявил Калев.

- Что же, выходит Ахан не вор вовсе, и без вины казнен? – с подозрением, нет, скорее с ужасом, спросил Йошуа.

- Он не нарушил устав небесный, но он преступил земной закон! – воскликнул Калев.

- Теперь я, кажется, догадываюсь, в чем грех Ахана, - проговорил Йошуа, - однако, сейчас твое слово, Калев.

- Всё, что вызнал – всё доложу, - продолжил Калев, - и, прежде всего, крайне важное: я под видом странника побывал в Ае. Обладая прекрасной способностью сходитья с людьми и располагать их к себе, я познакомился с начальником тамошнего военного гарнизона и разговорил его. Он сообщил мне, дескать, незадолго до нападения врагов на город, к нему явился некий иудей. Станный визитер предупредил о намерении армии Йошуа не сегодня завтра захватить Ай. По словам начальника, пришелец добавил, мол, сперва проникнут в город шпионы, дабы разведать, велик ли гарнизон. Иудей посоветовал командиру надежно спрятать главные силы войска, тогда разведчики обманутся и решат, будто Ай слабо защищен. Армия Йошуа выступит малым числом воинов и будет начисто разбита вышедшими из укрытия бойцами Ая. Так и случилось на самом деле!

- Ахан совершил предательство! – воскликнул Йошуа, - об этом я и подумал, да слишком поздно!

- Диво-дивное, – вскричал первый друг Ахана, - какое счастье привалило Аю!

- А откуда известно, что иудей-пришелец – это Ахан? – задал вопрос по существу второй друг Ахана.

- Попал в точку! – похвалил Калев, - напомню, я обнаружил золотые статуэтки в хранилище Накмана. Но их было не двенадцать, а лишь одиннадцать. Где еще одна? Так вот, начальник гарнизона Ая показал мне ровно такую же, двенадцатую, которую иудей дал ему авансом в благодарность за содействие. Нужны ли еще доказательства того, что Ахан – предатель? Более того, он обещал командиру Ая подарить вторую золотую куклу после разгрома иудейской армии, да, видно, не успел – мы помешали.

- Воистину, коррупция интернациональна! – глубокомысленно заметил Йошуа.

- Какое нам с Накманом дело до ваших предателей! – возмутилась Рахав, - разбирайтесь сами без нас!

- Наше дело – сторона, – добавил Накман, - пойдем отсюда, Рахав!

- Стойте! – вскричал Калев, - вы не только составили заговор ради ложного обвинения Ахана в воровстве, вы еще и опорочили небесного искателя истины, наш неподкупный жребий!

- О, боги клана моего! Доколе слушать нам несправедливые слова? – воскликнула Рахав.

- Убийцы и клеветники! Что взять с людей этих, Рахав? – добавил Накман.

- Умение распознавать ложь – достоинство пронизательного ума. Я смело изобличаю тебя, Накман, ты снова лжешь! – оборвал его Калев, - хранитель жребия уведомил меня, что, получив судебный инструмент, ты упражнялся на его глазах, как самому рукою стрелку тормозить, и на суде по сговору с Рахав ты так и поступал. Сестрица же твоя назначала очередность движения колен, семейств, домов. Как жаль, что вождь наш не запретил ей делать этого! Колено Ахана, его семейство и дом его проходили мимо стрелки в числе последних. Задумка хитрая. Утомленные долгим ожиданием, Йошуа и иже с ним не замечали жульнических штук Накмана!

- Спасибо, Калев! – торжественно воскликнул Йошуа, - ты спас репутацию жребия!

- Но не Бога вашего! – с ехидством пробурчала Рахав.

***

Над зеленой поляной повисла тишина. И иудеи, и язычники были ошарашены произошедшим. Обе стороны ожидали благословенного единения двух племен, а что вышло? Смущение, позор, разоблачение!

- Правильно поступили с Аханом – он дал ложное свидетельство, оговорив себя! – бросила Рахав.

- Правильно поступили с Аханом – он предал армию! – мстительно выкрикнул Накман.

- Казнить негодных язычников! – раздался голос первого друга Ахана.

- Побить камнями лжецов, заговорщиков, плутов! – подхватил второй друг Ахана.

- Йошуа, ты велишь взять под стражу Рахав и Накмана? – спросил Калев.

- Нет. Мы обещали сохранить жизнь и имущество всему клану. Будем держать слово до конца. Я освобождаю их всех без исключения – пусть идут, куда глаза глядят, и забирают с собою свое добро, - постановил Йошуа.

- И золотые статуэтки унесут? Кажется, Рахав мечтала присвоить себе золото Накмана! – заметил Калев.

- Нас не должны беспокоить их внутренние распри. Я же сожалею о своем недальновидном благоволении к Рахав, - закончил Йошуа.